

ГЛАВА 19

Станция Достоевская: выходим или едем дальше?

Мы в новой главе, дорогой читатель. Давайте воспользуемся этим случаем и в очередной раз попытаемся вырваться из объятий мировой литературы. Давно уже, с самого прощания с Пушкиным, я хочу это сделать, хочу отбиться, наконец, от литературной темы и перейти во вторую часть романа, к преподобным Старцам Зосиме и Василиску. Хочу, и не могу.

«Что? Опять будем прощаться с Пушкиным?» - спросите вы.

Нет, на этот раз с Достоевским. Признаюсь вам, что во всё время своего спора с ним я хотел оправдать его «Утопическое понимание истории». Да, да. И ходы к отступлению заготовил, и возведённые против него баррикады думал взорвать. Причём, мог бы легко это сделать. Взрыв был бы настолько мощным, что начисто бы смёл все построенные мною против литературы Достоевского крепости. Но после написания предыдущей главы вижу, что было бы, если бы я воспользовался приготовленной для оправдания писателя Достоевского бомбой. И что было бы? Ряды мечтателей пополнились бы ещё одним сочинителем. О чём идёт речь?

«Итак, во имя чего же, во имя какого *нравственного* права, могла бы искать Россия Константинополя? Опираясь на какие высшие цели, могла бы требовать его от Европы? А вот именно - как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, - роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак ее царьградского двуглавого орла выше древнего герба России, но обозначившаяся уже несомненно лишь после Петра Великого, когда Россия сознала в себе силу исполнить свое назначение, а фактически уже и стала действительной и единственной покровительницей и православия, и народов, его исповедующих. Вот эта причина, вот это *право* на древний Царьград и было бы понятно и не обидно даже самым ревнивым к своей независимости славянам или даже самим грекам. Да и тем самым обозначилась бы и настоящая сущность тех политических отношений, которые и должны неминуемо наступить у России ко всем прочим православным народностям - славянам ли, грекам ли, всё равно: она - покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа». (Курсив везде Достоевского, - Г.С.).

Читатель, вам ясна мысль Федора Михайловича? Нравится она вам? Повторить её? «Всем прочим православным народностям – славянам ли, грекам ли, всё равно; она [Россия] – покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа». Как чарующее красиво, как захватывающе сильно звучат эти слова! И особенно сейчас, когда почти ничего, кроме двуглавого орла, не осталось от той великой России, которой Достоевский отводил роль мировой предводительницы православия. Особенно сейчас умилительно читать его слова о нравственном праве России на Царьград, когда самой России скоро уже может не быть.

«Ну, и что? Еще не вечер, господин автор. И всё это не повод глумиться над писателем и человеком Достоевским».

Как? И вы туда же, господин читатель? И вы заодно с кремлёвскими мечтателями? Посмотрите вокруг. Ещё не вечер? Уже не вечер. Уже близится ночь. И оставьте, наконец, упоминания о человеке Достоевском. Сколько можно? Когда люди о чём-либо спорят, то тот, кто думает, что оспаривают лично его, может ли быть назван умным? Платон мне друг, но истина дороже, и это значит, что всякие личные отношения отступают на второй план, когда спорят об истине. Скажите, где я глумлюсь над людьми? Где я привожу порочащие факты из личной жизни писателей и смеюсь над ними? Я говорю о текстах и только о текстах. Вы спрашиваете, как можно разделить текст и человека? Очень просто. Точно так, как мы

разделяем две природы в Господе нашем Иисусе Христе, существующие в Нём неслитно и нераздельно. Однако мы их разделяем и говорим о словах и поступках Господа по Божеству и о словах и поступках Господа по человечеству. Так и в людских делах нужно различать слова, сказанные по вдохновению, от слов и дел, которые присущи всем людям по естеству. Последних я не касаюсь, потому что «сам такой» и ещё хуже, а вот о первых я не только могу что-либо сказать, но и обязан это сделать. Могу потому, что писатели сами представили свои тексты для публичного прочтения, а обязан потому, что моё согласие или не согласие с этими текстами решит мою загробную участь: *ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф.12:37).

«Достоевский не может вам ответить, вот вы и пользуетесь случаем».

Не может ответить? Что Достоевский мог бы ответить, окажись он среди нас сейчас? Мне кажется, что лучшим его ответом было бы молчание.

«Ну, так пожалейте его. Нехорошо бить лежачего и немого».

Это когда же идеи Достоевского стали лежачими и немыми? В честь писателя стоят памятники, его именем называют станцию московского метро, расписывая её картинами одна страшнее другой, много библиотек носят имя писателя Ф.М.Достоевского. Что делать нам, читатель, с этим неисправимо высящимся книжником? (*) А лучше спросить иначе: что делать нам с нами, неисправимыми мечтателями?

(*) «Сколько можно клеить ярлыки? Осуждать неприкрыто, не говорить даже, что, мол, он писал или мыслил как книжник, а просто книжником и называть, что для православного сознания почти то же, что назвать фарисеем! Какой пример пастырь подаёт пасомым! Вы часто ссылаетесь на Златоуста, но посмотрите, как он был осторожен с конкретными душами!» - сказали автору. Что он ответил? Не всякое книжничество пагубно. Господь иных книжников даже хвалит: *Он же сказал им: поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину [человеку домовиту – в церковно-славянском переводе], который выносит из сокровищницы своей новое и старое* (Мф.13:52). Что же касается примера желающим, но не решающимся отвергнуть российскую литературу, то пример книжника, идущего «В Зосимину пустынь», и вправду, бесконечно далёк от примера Иоанна Златоуста, который, если бы был осторожен с конкретными душами, то не оказался бы в Кукузе. Я хочу сказать, что, если бы Златоуст, обличая пороки, не касался бы носителей этих пороков, то не умер бы в ссылке.

Одно из двух: либо признать его и нас, российских и советских читателей, полными банкротами, водившимися за нос, либо, взбравшись на ещё большую, чем у него, мечтательную высоту, попытаться найти подтверждение его словам. Но можно ли взлететь выше Достоевского? Вы знаете, можно. Поэтому я и говорю, что мечтательный заряд заготовлявшейся нами словесной бомбы против самих себя и в защиту Достоевского был бы мощнее его бомб: он мечтал, сидя на вершине могущественной империи, а мы, сидя на её обломках, могли бы его мечты поддержать и утвердить. Это сложно, но можно. Как?

«Россия стала действительной и единственной покровительницей и православия, и народов, его исповедующих», - говорит Достоевский. Примем слова Достоевского так, как он хочет, хотя действительной и единственной покровительницей Православия и народов, его исповедующих, является Христова Церковь.

«Достоевский не говорит в плане экклесиологии, он говорит в аспекте политическом и историческом, а вы вырываете его слова и судите их в мистико-богословском плане», - заметили автору читатели.

Но в том-то и дело, что для россиян, современников Достоевского, политический аспект стал экклесиологическим. А для нынешних россиян, чтущих писателя Достоевского и ищущих царя и царства, он таким же продолжает быть. Для спасения необходимо царство, утверждают они. Такие слова и мысли – ересь, потому что покровительство православию не может быть внешним, потому что суть Православия заключается во внутреннем изменении человека, при котором он начинает не умом только, но всем своим существом понимать: *не надеяться на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения* (Пс.145:3). Суть Православия заключается в том, чтобы надеяться не на свои или чужие человеческие силы, но единственно – на Бога. И такая перемена во взглядах, если зависит от внешних жизненных условий, то, как правило, в обратном отношении, а именно, неблагоприятные условия чаще приводят к покаянию, чем благоприятные.

«Значит, покровительство православию должно состоять в создании ему самых суровых внешних условий, как то гонения, лишения, скорби и т.д.?»

Когда я немощен, тогда силен, - говорит Апостол (2Кор.12:10), а Златоуст поясняет, что «здесь говорится не о головной боли, - больные не проповедовали, да и не могли проповедовать, - но о том, что (апостолы) гонимые и преследуемые всё превозмогли». И заметим, когда были сказаны Апостолом эти слова? Тогда, когда он просил у Господа благоприятных условий для проповеди. *И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, аггел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: 'довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи'* (2Кор.12:7,8). «Замечаешь ли, - говорит Святитель Иоанн Златоуст, - как (апостол) поставляет одну причину, а Бог другую? Тот говорит: *да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти*; а Бог сказал, что попускает это для явления силы Своей. Поэтому ты просишь не только излишнего, но даже помрачающего славу Моего могущества. Именно слова: *довлеет ти* показывают, что не нужно уже ничего другого прибавлять, но что всё сделано» (т.10, с.718).

Теперь вернёмся к писателю Достоевскому и увидим, что он просит не только излишнего, он просит то, что помрачает славу Божьего могущества. И даже не просит, но хочет своими силами, вернее, силами русских людей устроить то, что должен устроить или не устроить Сам Бог. По сути, самые Богоугодные и благоприятные условия для православия и народов, его исповедующих, это – *пакостник плоти, аггел сатанин*. Но писатель Достоевский говорит противоположное, а именно провозглашает внешнюю мощь России той силой, которая даёт ей нравственное право овладеть Константинополем и покровительствовать всемирному православию. «Итак, во имя чего же, во имя какого *нравственного* права, могла бы искать Россия Константинополя? Опираясь на какие высшие цели, могла бы требовать его от Европы? А вот именно - как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, - роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак ее царьградского двуглавого орла выше древнего герба России, но обозначившаяся уже несомненно лишь после Петра Великого, когда Россия сознала в себе силу исполнить свое назначение...» Апостол Павел говорит: *потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова* (2Кор.12:9), а писатель Достоевский утверждает, что сила Христова должна укрепиться силой России. Это ли не папизм –

смешивать политику и спасение, дела земные и небесные, ставя последние в зависимость от первых?

Тем не менее, примем слова Достоевского так, как он хочет, ведь нам надо выше него и выше папства взлететь, и, приняв их, внимательно прочтём две выдержки из Евангелия: *и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем* (Еф.1:22,23). *И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое* (Мк.14:22). Если Церковь – Тело Христово, значит, слова Господа могут быть прочитаны так: примите, ядите; сие есть Церковь Моя...

Когда я строил план по защите «Утопического понимания истории» Достоевского, то думал примерно так: «Обращение к православию и духовное спасение четверти миллиона евреев (*) стало возможно благодаря мученическому исповеданию Христа Бога российской православной церковью. Т.е. то, что писалось и желалось Достоевским в словах о русской «всечеловечности» совершилось, но не совсем так, как он предполагал. Он искал службы и жертвы русского народа другим православным народам, но, не преодолев европоцентризма своего сознания, думал, что они осуществляются в овладении Россией Константинополем. Однако эта служба осуществилась иначе, и создание единой семьи народов, в которой Россия, как он говорил, станет им матерью, произошло в революционные годы не по слову Достоевского, но по слову Господа: примите, ядите, сие есть Церковь Моя... Что же произошло? Произошло не овладение Царьградом и принятие православных народов под своё крыло, но отдавание своей столицы, своей страны, своей жизни и отдавание их вовсе нехристианским народам».

Значит, сбылось писательское слово Достоевского? Значит, принесена была жертва, которую он предрекал? Да, всё сбылось. Правда, Россия стала матерью не через трогательное кормление грудью, а через страшное самой себя отдавание на съедение, впрочем, это, так сказать, мелочи, потому что молоком ли, кровью ли – мать отдаёт себя в питание ребёнку. (**). Но если всё предсказанное Достоевским совершилось, то куда нам ещё выше лететь? Как куда? Всё туда же – в погибельную пропасть гордыни. Что для этого надо сделать? Надо рядом с жертвой Христа Бога поставить жертву России и сказать, что как Христос ради людского спасения взшёл на крест, так Русь-Россия своим распятием открыла путь ко спасению миллионам евреев и иным нерусским народам в лоне Русской Православной Церкви.

Писатель Достоевский сказал то, что ему было велено сказать, как и Каиафа сказал то, что сказать был должен: *вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб* (Ин.11:49,50), но это не значит, что христиане должны ставить памятники Каиафе за предсказание о распятии Иисуса Христа. Да, Руси-России предназначено умереть на кресте. Это её судьба, её Божий путь ко спасению, но это не значит, что тем, кто предсказывает, приближает и совершает её распятие, русские люди должны ставить памятники.

(*) «Из обстоятельного справочника 'Население Москвы', составленного демографом Морицем Яковлевичем Выдро, можно узнать, что если в 1912 году в Москве проживали 6,4 тысячи евреев, то всего через два десятилетия, в 1933 году, - 241,7 тысячи, то есть почти в *сорок раз* больше! Причем население Москвы в целом выросло за эти двадцать лет всего только в *два* с небольшим раза (с 1 млн.618 тыс. до 3 млн.663 тыс.)». В.В.Кожин. «История России. 20-й век». (Курсив Кожина, - Г.С.).

(**) Когда я узнал, что женский организм во время беременности буквально отдаёт себя на съедение, потому что образовавшийся в яйцеклетке зародыш питается материнской кровью, я смутился. Впрочем, и после рождения ребёнок продолжает есть свою мать, ибо, что такое материнское молоко, как не её тело? Но если кормление грудью выглядит даже мило, то питание кровью кажется свирепостью, хотя принцип один – поедание ребёнком своей матери.

Революции трубный глас

«Как на ваш взгляд, читатель? Хорошим вышло наше расставание с Ф.М.Достоевским? Удалось нам попрощаться с ним так, как говорят о слове «прощание» славянский язык и А.С.Шишков? Полностью опростались мы от российской Литературы? Никакие цепи литературно-телевизионного рабства не приковывают нас более к истуканам богини Культуры? - спрашиваю я читателя, а сам думаю: что ты делаешь, отче? Зачем громишь юношеские увлечения? Пусть они останутся там, в твоей далёкой юности, как светлые воспоминания. Пожалей, наконец, читателя, чью душу могут смутить эти скандальные выяснения отношений с литературой».

Пожалеть, говоришь? Оставить? И я бы охотно оставил какую-то часть российской литературы в дальнем углу своей души и хранил бы о ней светлые воспоминания в Зосиминой Пустыни, если бы они действительно были светлыми. Но они не таковы. Это прискорбно, читатель, но это так. Российская литература, как и связанные с ней воспоминания вовсе не светлые. Почему же они кажутся светлыми? Потому что восприняты были в молодости. Много по молодости нам кажется светлым только потому, что душа цветёт и поёт, потому что сама молодость озаряет тёмное и возвышает низкое, но это не значит, что всё прочитанное нами в молодости действительно светло.

Какой бы пример, поясняющий мою мысль, привести? Пример Beatles. Вот мои светлые воспоминания. Вот звуки, от которых трепетала моя душа, как, наверное, трепетала она у некоторых молодых людей в прошедшие века при звуках поэзии Пушкина. Под песнями Битлов, как под пушкинской звездой, прошла моя молодость. Сейчас они, кажется, забыты, потому что многие годы не заводился магнитофон, и всякая связь с тем миром прекратилась. Но стоит им только зазвучать, и можно не сомневаться, что душа откликнется и вострепещет. Что же плохого, скажете вы, что душа умилился от старых песенок? Что плохого в пробуждении светлых чувств? Но светлые ли они, читатель? Впрочем, не вас мне нужно об этом спрашивать, но себя. Так же и вам советую самих себя спросить: светлые ли наши «светлые» воспоминания? Спасительно ли то, что нам приятно вспоминать? Действительно ли пронизаны Пасхальным светом, т.е. чистотою великопостного труда и радостью Христова Воскресения те наши мысли и чувства, которые, наплывая иногда в наши сердца, приводят нас в умиление? А, может, не светлые они вовсе, но только принимают вид света (ср.2Кор.11:13-15)?

Джон Леннон, сочинитель многих песен Битлз, в 28-летнем возрасте сфотографировался для обложки своей грампластинки в голом виде вместе с Йоко Оно. Совершенно голые они стоят и смотрят на нас с обложки альбома «Unfinished Music No.1: Two Virgins» (1968). Как понимать их вид и взгляд? (*) Ни стыда, ни совести – самое правильное понимание этой наглости. Но ведь она принимается обществом, она тиражируется культурой, она возводится в добродетель. Подпись к этой похабной картинке, которую можно перевести как

«Нескончаемая музыка. Два девственника», действует на читающих её страшнее оружия массового поражения, поскольку убивает не физически, но духовно.

(*) ...и слава в студе их (Фил.3:19), или в синодальном переводе: *слава их – в сраме*.

Что же видим мы на этом примере из творческого наследия поэта и музыканта Джона Леннона? Мы видим, как воспитывается в человечестве сверхнаглость, в результате которой некто превознесётся выше всего, называемого богом или святынею. Но воспитать подобную наглость нелегко, и в первых главах этих записок мы говорили, что трудность такого воспитания состоит не в том, чтобы заставить кого-либо из людей объявить себя богом – таких негодяев найти не долго – но в том, чтобы всеми прочими людьми наглость произволения открывшегося человека беззакония была бы воспринята как святость и названа скромностью. И вот нам пример такой скромности от сатаны – подписать порнографию словом «вѣджин», которое для англоязычных связывается не просто с девственностью, но с Матерью Божией, поскольку the Virgin означает: Дева Мария. Таковы методы воспитания сатанинской святости, но не о ней мы хотели сказать, а о светлых воспоминаниях.

Зачем, спрашивается, Леннону эти стыд и позор? Зачем они мне, бывшему восторженному слушателю его произведений? Или стыда уже нет? Или его и не было? Т.е. не было того внутреннего качества, зовущегося по-русски целомудрием и означающего буквально: целомудрие, т.е. целостное разумение, целостное восприятие Бога и окружающего мира. Такого качества не было, зато было бьющее из души фонтаном стремление самовыражения, страсть самости. Зачем надо было публично обнажаться? Ради денег? Их вроде было предостаточно. Значит, ради тщеславия. Когда спеть нечего, а внимание привлечь к себе очень хочется, тогда что остаётся? Скандально раздеться догола. Кстати говоря, греческое слово «скандалон» в собственном смысле означает «крючок в западне, к которому прикрепляется приманка», а в переносном значении оно значит «соблазн, препятствие, предмет досады». Когда приманки на крючке, т.е. увлекательной музыки – нет, тогда безстыдно открывается западня, она уже не страшит тех, кто на крючок пойман. А если и страшит, т.е. если хранится ещё в душе Божия совесть, то крючок-то тянет, и приходится идти на его поводу.

Итак, страсть тщеславия движет фотографирующимся в голом виде музыкантом. Но разве не эта же страсть руководила Ленноном, когда он писал свои песни для Битлз? Разве не этот же Джон, написавший хиты Битлов, спустя десятилетие в песне с названием «God» (1970), пропев 15-ть раз «не верю» (в том числе в Библию и Иисуса, поставленного после Гитлера, но перед Кеннеди и Буддой), скажет в кого же он верит: I just believe in me – «Я просто верю в себя». Верю в себя? Что это значит? Это и значит: я – бог. Это и значит: я верю не в Бога, но в человека. Это и значит: быть человеку богом. Это и значит: *вы будете, как боги* (Быт.3:5).

Так что мне хранить и светло вспоминать из Битлз? Зачем мне себя обманывать? Не правильнее ли будет покаяться и навсегда отказаться от «светлых» песен молодости, вернее, от крючка и соблазна? Может, песенки Битлов меня уже не тронут (хотя вряд ли), но заглоченный крючок остался, и он рано или поздно приведёт меня к тому, кто его забросил.

Впрочем, разбираться с Битлами это личное дело каждого. Нам их не навязывают, и в школьную программу не включают (пока?). Но с российской литературой надо разбираться всем русским миром, потому что на ней утверждается наша культура. Потому что, принявши вид света, она лежит в каждой русской душе, и стоит только раздаться призывному звуку, стоит только дернуться крючку, и он поведёт душу за собой в сторону гибели.

Так что, спрашивается, мне лелеять и светло вспоминать из литературы? Зачем мне себя обманывать? *И аще око твое соблажняет тя* (*), исткни е: добрее ти есть со едином оком внити в Царствие Божие, неже две оце имущу ввержену быти в геенну огненную (Мк.9:47). Проткни соблазняющий тебя глаз, говорит Господь, а я буду жалеть какие-то воспоминания? *И аще десная твоя рука соблажняет тя, усецы ю и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну* (Мф.5:30). Отсеки соблазняющую тебя руку, говорит Господь, а я буду хранить в душе какую-то литературу? Она – соблазн, и кто станет с этим спорить?

Земную жизнь пройдя до середины, я не могу сказать, что вышел из леса литературно-культурных страстей, и что успею прежде смерти выбраться из него окончательно, но свет брезжил мне, и я шёл на него более с молитвой, нежели с рассуждением. Не ходите, читатель, в этот лес гулять, если не хотите заблудиться или попасть в руки соловьев-разбойников.

«Революции трубный глас – голос истинного поэта». А где нет гласа революции, там нет поэзии. Так? Выходит, что так. Сладкий голос истинного поэта на деле оказывается кличем разбоя, разрушения и гибели. Но где ниспровергаются устои, там по человеколюбию Божию возникает спасительная реакция отпора.

Странные люди революционеры и поэты. Неужели не проходит в голову мысль, что пуля в кого бы то ни было не останется безнаказанной, а пуля в царя обернётся страшной тиранией? Мысленная же пуля и мысленное соизволение греху, т.е. творимый всенародно соблазн обернётся ещё более страшной расплатой, потому что, вспомним слова Златоуста, одобрение страсти заслуживает большего наказания, чем самая страсть: «Не так пагубно самому согрешить, как ввести в грех других. <...> Так змий наказан строже жены, а жена больше мужа; Иезавель понесла более тяжкое наказание, чем Ахав, отнявший виноградник, потому что она была главной виновницей этой несправедливости и ввела в соблазн царя. И ты, если сделаешься виновником гибели других, подвергнешься более тяжкому наказанию, чем доведённые тобой до падения» (т.9, с.831).

Безрассудство годится для бесов: им терять нечего. Но человек-то должен быть умней. Литература, оторвав человека от церкви, сделала его глупей. (**). Но ещё глупей и безпросветней сделал человека телевизор, когда на смену литературной пришла телевизионная революция.

В самом начале нашего пути в Зосимину Пустынь мы говорили о несправедливых с нашей точки зрения словах Евангелия, что слушающий и не исполняющий слов Господа нашего Иисуса Христа наказывается разрушением дома, тогда как отказавшийся слушать Его слова готовит себе огонь содомский. Помните? *Всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и опрошася храмине той, и падеса: и бе разрушение ея велие* (Мф.7:26,27). Так заканчивает Нагорную проповедь Спаситель.

Церковно-славянское слово «храмина» имеет много значений. Это и дом, и двор, и храм, и убежище, и жилище. Храминой называется у Апостола как земное, так и духовное тело человека, которое мы будем иметь на Небе после воскресения. *Вемы бо, яко аще земная наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворену, вечну на небесех* (2Кор.5:1). Или по-русски: *Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина (***)*, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный.

(*) *Соблажняет*. В греческом тексте здесь стоит знакомое нам слово «скандализи».

(**) «Ага, литература его оторвала. Нашли козла отпущения. А не собственные похоти? А не отцы народа, государственные и духовные мужи?» - сказали автору читатели. Дорогой читатель, отцы народа никого не заставляют смотреть телевизор. Однако нас силком от него не оттащишь.

(***) И опять нельзя не обратить внимания на перевод. Разве можно называть тело, этот великолепный дом, и даже не дом, но царский дворец, данный человеку Богом, хижинкой? В этой «хижине» Он жил 33 года и 9 месяцев, эту «хижину» Он вознёс на Небо, в этой «хижине» Он восхотел жить вечно. И после всего, что Бог сотворил с нашим телом, разве не будет оскорблением величества Творца название человеческого тела «хижинкой»?

Ещё более многозначным становится слово «храмина» при истолковании. Например, в вышеприведённом Евангельском стихе Мф.7:27 храминой могут быть названы мировоззрение отдельного человека, а также семья, страна, цивилизация. Почему же слушающему и неисполняющему Его слова Господь грозит разрушением храмины, тогда как неслушающего ожидает огонь содомский? *А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому* (Мф.10:14,15). Почему такая разница наказаний?

Мы предположили, что любой совершаемый ради Бога труд не может остаться у Него незамеченным. Поэтому, через одно только слушание слова Божия человек строит дом своего спасения, но строит его на песке, если услышанное не подкрепляет делами. И вторую причину предположили, что слышание слова Божия надо заслужить, что проповедь и послание проповедника к слушающим не бывает произвольным, ибо всё знает наперёд Сердцеведец Бог. Можем и третью причину предположить. Скажите, читатель, слушание без исполнения может ли быть названо хранением? Может. Но что Господь говорит о хранящих слово Божие? *Он же рече: темже убо блаженни слышащии слово Божие и хранящии е* (Лк.11:28). Блаженными названы Господом Иисусом Христом хранящие слово Божие. Но почему хранящие, а не творящие названы Им блаженными? Потому что о творящих Господь сказал лучшие слова: *Он же отвецав рече к ним: мати Моя и братия Моя сии суть, слышащии слово Божие и творящии е* (Лк.8:21). Братьями назвал Господь творящих слово Божие! Но ведь и хранящих Он назвал блаженными. Слава Ему!

Но зачем я к теме слушания и неслушания возвращаюсь? Затем, что о вас, дорогой мой во Христе читатель, переживаю. Затем, что о вашем спасении, которое, как мы видим, может по милости Божией через одно только слушание Его слов совершиться, забочусь. Мы много говорили о том, почему литература и телевизор мешают слушанию слова Божия. Можно привести ещё одно, самое краткое и простое тому доказательство. Какое? Слушая телевизор и литературу, мы не слушаем слово Божие. *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф.6:24). А то, что Евангелие и литература это разные господа, мы убеждались, идя «В Зосимину пустынь».

Нельзя служить Евангелию и литературе. Нельзя иметь мир с классиками, не нарушая мира со словом Божиим. Нельзя не враждовать христианам с российской культурой, потому что слушание классиков равнозначно неслушанию слова Божия. Вы опять не согласны со мной, читатель? Вы опять хотите сказать, что одно другому не мешает, и что после чтения

главы из Евангелия можно и главу из русской классики для общего развития прочитать? (*) Но что говорит Евангелие? *Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь* (Лк.8:18). И другие слова: *Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает* (1Кор.10:23). Согласитесь, что мы, современные христиане, давно уже не творим слова Божия, но ведь и хранить его мы отказываемся, когда предпочитаем Священному Писанию художественную литературу и телевизор.

У Златоуста читаем такие слова: «Если же вам думается, что вы слышите законы странные, - не смущайтесь. Зачем было бы и приходиться Христу, если бы Он не имел постановить законы необыкновенные? Ведь то уже известно нам, что убийцу и прелюбодея нужно наказывать; следовательно, если бы мы должны были услышать то же самое, то какая была бы нужда в небесном Учителе? Потому-то Он не говорит: прелюбодей да будет наказан, но – тот, кто смотрит бесстыдными глазами, и присовокупляет также и то, где и когда он подвергнется наказанию. И не на досках и не на столпах изобразил Он Свои законы; и не столпы медные поставил Он, и не на них начертал письмена; нет, Он воздвиг для нас двенадцать душ апостольских и на них Духом Святым написал эти письмена. И мы, по всей справедливости, читаем их вам. Если у иудеев это было законно, чтобы никто не мог отговариваться незнанием, то тем больше у нас. Если же кто скажет: я не слушаю и не буду отвечать перед судом, то за это подвергнется особенно большому наказанию. В самом деле, если бы никто не учил, то ещё можно было бы этим отговариваться; но если есть учителя, то – уже нельзя. Посмотри, как Христос отнимает у иудеев это извинение, когда говорит: *аще не бых пришел и глаголах им, греха не быша имели* (Ин.15:22). Опять и Павел говорит: *но глаголю: еда не слышаша? Но паче во всю землю изыде вещание их* (Рим.10:18). Тогда бывает прощение, когда никто не говорит; но когда сидит надзиратель и имеет это своей обязанностью, тогда уже нет прощения. А между тем, Христос не того хотел, чтобы мы только смотрели на эти столпы, но – чтобы и сами были столпами. А так как мы сделали себя недостойными этих письмен, то будем, по крайней мере, смотреть на эти столпы» (т.9, с.61-62).

Я не предлагаю тяжёлого. Напротив, слышание слова Божия – легчайшее начало пути ко блаженству, но чтобы пойти по нему, надо отстать от литературы и телевизора. Если даже это трудно, то о чём нам тогда говорить? На что рассчитывать? Причём, даже и расставшись с ними, мы будем строить наше спасение на песке. *И всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце* (Мф.7:26). А не расставшись с ними? Мы будем уже не просто в картонном доме жить, но собирать себе огонь гееннский. Но, повторяю, что, даже расставшись с литературой и телевизором, нам не на что кроме милости Божией рассчитывать: дом-то на песце.

Можно и четвёртую причину предположить, почему Господь попускает строительство таких домов. Потому что Ему дороги даже их обломки. Великим было разрушение Российской Православной Церкви, можно сказать, апокалипсическим. *Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься* (Откр.2:4,5). Но, рассыпавшись мелкими огоньками, огонь опрокинутого светильника не погас. Он и не может погаснуть, дондеже (***) горит хоть один огонёк, хоть одна его искра. И даже в последней своей искре он будет всё тем же огнём, что зажёт в русской храмине святой равноапостольный князь Владимир от Небесного огня, о

котором в Евангелии сказано: *Огня приидох вовреци на землю, и что хочу, аще уже возгореся;* (Лк.12:49).

(*) «А если не для общего развития, но для понимания того, что и как было в России в тот исторический момент? Для этого можно почитать историческую и художественную литературу?» - спросили автора. Что тут отвечать? Неужели можно запретить что-либо читать? Читайте, но знайте, с кем вы имеете дело. Читайте без очков гуманизма, т.е. ясно понимая, что представляет из себя литература.

(**) Церковно-славянский союз «дондеже» не всегда значит «до тех пор, как». Святитель Иоанн Златоуст, разбирая Евангельский стих *и не знаяше Ея, дондеже роди Сына Своего первенца* (Мф.1:25), говорит что союз «дондеже» здесь не означает определённого времени. Что же он тогда означает? Уяснить дополнительные смыслы этого союза можно из следующих стихов Священного Писания. 1) *Возсияет во днех Его правда и множество мира, дондеже отимется луна* (Пс.71:7). Если прочитав этот стих, вкладывая в союз «дондеже» значение «до тех пор, пока», то получится, что правда сияет, пока сияет луна, с отъятием луны отнимется правда. Но возможно ли такое, чтобы Божии правда и мир зависели от луны? 2) *Рече Господь Господеви Моему, седи одесную Мене дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих* (Пс.109:1). И здесь «дондеже» не значит, что после того, как враги будут положены в Его подножие, Господь перестанет сидеть одесную Господа. Языковеды говорят о происхождении союза «дондеже» из слов «до-и-де-же». Наличие предлога «до» подталкивает слышащего этот союз к тому, чтобы придать ему значения: «доколе», «пока», «до тех пор, как». Но нужно повторить, что это только некоторые, причём, не самые главные его значения. Союз «дондеже» значит также «до и после», и о таком его значении говорит этот же предлог «до», который, если вслушаться в него, хотя и определяет известное состояние вещи или лица до какого-то предела времени, однако не исключает продолжения того же состояния и за этим пределом. Например, в выражении «дойти до края» подразумевается, что дошедший до края пребывает в этом крайнем состоянии. В последних стихах Четвероевангелия есть слова: *аще хочу тому пребывати, дондеже прииду, что к тебе?* (Ин.21:23). Если исключить из союза «дондеже» значение «до и после», то выйдет несуразица, по которой Апостол Иоанн перестанет пребывать с приходом Господа. И в нашем предложении: «огонь не может погаснуть, дондеже горит хоть один огонёк, хоть одна его искра», смысл союза «дондеже» таков, что огонь светильника не погаснет даже с последней его земной искрой, но будет продолжать гореть, только уже не на земле, а на Небе.

Точка с запятой

Точкой с запятой, т.е. знаком, который служит в церковно-славянской орфографии знаком вопроса, заканчивается Лк.12:49 в церковном тексте. В русском переводе это предложение заканчивается восклицанием: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* Какому переводу верить?

Восклицательный знак в этом стихе не мог поставить христианин. Восклицательный знак здесь поставил поверхностный протестант. Достаточно со вниманием прочесть дальнейшие стихи, чтобы убедиться, что только вырывающий предложения из Евангелия и ищущий в них то, что он сам хотел бы прочитать, а не то, что прочесть должно, мог поставить в таком скорбном трёхстишь знак восклицания. *Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь,*

пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей (Лк.12:50-53).

Уместны ли восклицания в словах, где говорится о разрыве по живому: *отец будет против сына, и сын против отца*; о страшной трагедии: *думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение*; о содрогании душевном и телесном: *как Я томлюсь, пока сие совершится*. Кстати говоря, в последнем предложении в церковном тексте стоят всё те же точка с запятой, т.е. знак вопроса: *Крещением же имам креститься, и како удержуся, дондеже скончаются*; А в русском переводе мы опять видим этот легкомысленный и неуместный восклицательный знак: *как Я томлюсь, пока сие совершится!*

Мне могут сказать, что и восклицание часто служит выражению скорби. Да, служит, но трудно понять, как восклицательный знак, называемый по-церковнославянски «удивительная», может служить усилению скорби в этом контексте? Скорее наоборот, он разгоняет скорбь и склоняет к мысли о нетерпеливо-восторженном ожидании Небесного огня, Голгофы и того, чтобы люди поскорее разделились.

Если же спросят: ну, а как вопросительный знак содействует выражению скорби, то ответим, что знак вопроса для усиления скорбного впечатления здесь гораздо уместнее уже потому, что всякий вопрос тяготит своей неизвестностью. Согбенный вид вопросительного знака говорит о навалившейся тяжести в принятии решения, тогда как восклицание, напротив, всю тяжесть с себя сбрасывает. Томит не восклицание, томит вопрос. Как всё будет происходить? Чем разрешится? Что принесёт? (*)

(*) В интернете пишут, что графически восклицательный знак восходит к латинскому слову «io», выражавшему радость («ура»), а также боязнь, скорбь («ой», «ах»). Слово «io» сначала писалось в конце предложения как обычное междометие, затем обе буквы стали для компактности писаться одна над другой, пока не слились в один символ – «!». Схожим образом возник вопросительный знак из слова «quaestio» (вопрос), сокращенного до «qo». Эти буквы ставились в конце вопросительных предложений, а затем соединились в символ – «?». Вопросительный знак «?» встречается в печатных книгах с 16-го века, однако для выражения вопроса он закрепляется значительно позже, лишь в 18-м веке. Первоначально в значении «?» встречалась точка с запятой – «;». А этот знак, добавлю я уже от себя, можно истолковать как конец для неправильного ответа – точкой, и продолжение для правильного ответа – запятой. Поясню свою мысль. Только два ответа можно дать на всякий вопрос: да или нет. Давшему правильный ответ готовится продолжение через запятую, а ответившему неправильно ставится точка. А что будет с ответившим «да, но» или «нет, но»? Такие ответы не принимаются. *Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого* (Мф.5:37).

Но, чтобы не сказали, что эти догадки мы выдумываем от себя, обратимся к примеру Апостола Павла. Что он говорил в подобных обстоятельствах? А в схожих обстоятельствах он оказывался при всякой своей проповеди, потому что слово Божие, которое он возвещал *живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и*

духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные (Евр.4:12). Слово Божие разделяет не только людей, но самые людские души. Что же переживал Апостол, когда видел, как рассекает данным ему от Господа словом-мечом тех же коринфян?

Об этом он отчасти говорит в Послании к ним. *Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь. И кто способен к сему?* (2Кор.2:16) Знак трагического вопроса слышен в словах Апостола даже без графического его начертания. И кто способен к сему, чтобы, зная наперёд, что его слово разделит сына против отца и мать против дочери, сознательно проповедовать одним вечную жизнь, а другим – вечную погибель?

Нет и не может быть восклицательного знака в стихах Евангелия от Луки 12:49 и 50, как не может быть его в процитированном стихе послания к Коринфянам. И кто способен к сему! Так? Но такое восклицание ближе к актёрству, чем к Апостольству, и скорее напоминает гамлетовский возглас на театральной сцене, чем послание Евангельского проповедника.

Да если бы только Господь желал с восклицанием низвести на землю Свой Небесный огонь, она бы давно сгорела! Но *нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибли нечестивых человек* (2Пет.3:7). Странное, однако, выражение: *сберегаются огню*. Берегут обычно от огня, а не для огня. Да и зачем беречь то, что должно сгореть? Но именно так, как сказал Апостол, всё и происходит. Сберегаются, или по-церковнославянски: *огню блюдома*, или ещё можно сказать: снабдеваются (*) наши небеса и земля Господом *на день суда*. Огню они предназначены и от огня же сберегаются, как солома, как некие горючие материалы, которые сами готовы вспыхнуть, и давно сгорели бы, если бы не пожарно-охранительная забота Господа. Какое же здесь может быть восклицание? Какое *«как желал бы [Я], чтобы он уже возгорелся!»*? Здесь мучительное ожидание, здесь именно: *како удержуся, дондеже скончаются?*

Слово русского перевода «совершится» (*и как Я томлюсь, пока сие совершится!*) и слово церковно-славянского перевода «скончаются» (*и како удержуся, дондеже скончатся?*) близки по смыслу, но почему числа разные? Единственное в русском и множественное в славянском переводе? В оригинале стоит единственное число («телести»), усиливается местоимением «остис», т.е. «сие», которое в славянском переводе даже опущено. Допустимы ли такие вольности при переводе?

Если кто и может быть обвинён в вольном обращении с текстом, то только не славянский переводчик, который всегда буквально следует за оригиналом. До того буквально, что даже строй предложения, характерный для греческого языка и нехарактерный для славянского, толмач полностью сохранял в переводе. Поэтому славянский перевод скорее может быть обвинён в чрезмерном буквализме, чем в вольности. И вдруг двукратное отступление от оригинала. Нарушение числовой формы глагола и игнорирование местоимения. Как это понять? Мне кажется, что ради всё той же предельной точности пошёл здесь переводчик на такие нарушения.

Дело в том, что если говорить о буквализме, то начало этого стиха (**) должно быть буквально переведено так: погружением же имею погрузиться. Естественен вопрос: погружением куда? Если учесть предыдущий стих: *Огня приидох вовреци на землю, и что хочу, аще уже возгореся;* (Лк.12:49), то, стало быть, в него, в этот огонь, как в пучину, должен погрузиться Господь. Значит, должны совершиться оба действия: низведение (***) огня и погружение в него. Значит, прав толмач, сказав во множественном числе: *дондеже*

скончаются. Вот какую буквальность хотел он, как мне кажется, здесь передать – совершение двух действий.

(*) Снабдение. Что за слово такое? Оно встречается, например, в книге Бытия: *Будет убо егда увидят тя египтяне, рекут, яко жена его есть сия: и убьют мя, тебе же снабдят* (Быт.12:12). Оно встречается во 2-ой молитве ко Святому Причащению: «в снабдение заповедей Твоих»? В нём слышится русское слово «снабжение», но непонятно, как заповеди могут снабжать? Зри в корень, и тогда всё станет понятно. «С-на-бдение» происходит от слова «бдеть», т.е. беречь, сторожить, охранять. Снабдение заповедей означает соблюдение заповедей. Слово «снабжение» тоже из слова «соблюдение» происходит. Ибо, если вдуматься, то «снабжать», это и значит «соблюдать», т.е. снабдевать.

(**) Греческое слово «стихион» означает 1) буква; 2) в переносном смысле: первая и самая простая часть чего-либо, т.е. то, что по-латыни называется «элемент». А слово «стихос» означает: ряд, линия. От этих греческих слов происходит слово «стихи», и нельзя не поразиться, как удивительно точно названы «стихами» основные части Священного Писания. Стихи Библии – первоначала мыслей, слов, чувств, оставленные для нас священными писателями, чтобы мы могли в один ряд с ними (стихами) поставить свои мысли, слова, чувства. Ещё можно сказать о том, что в латинском языке слово «стих» звучит как «версус» (отсюда, кстати, берёт начало русское слово «верши») и связано с глаголом «верто», что значит «верчу, направляю, поворачиваю». На одном этом примере можно видеть духовную разницу греческого и латинского языков.

(***) Сказанное в русском тексте *огонь низвести* сказано слабо. Именно *огня вовреци*, т.е. бросить, низвергнуть, обрушить, как обрушивается снежная лавина. Слово «вовреци» говорит о том, что лава огня готова обрушиться на видимый мир. Слово «вовреци» со своей стороны подтверждает неуместность восклицания: *как желал бы [Я], чтобы он уже возгорелся!* Не восклицание скорейшего осуществления желания, но скорбное удержание этой огненной лавы томит Господа. Именно: *како удержуся, дондеже скончаются?* с вопросительным знаком в конце. Вот ещё примеры употребления этого выразительного слова: *...не приидох вовреци мир, но меч* (Мф.10:32); *несть добро отъяти хлеба чадом и повреци псом* (Мф.15:26); *убойтеся имущаго власть по убиении вовреци в дебрь огненную* (Лк.12:5).

Таким образом, церковно-славянский перевод открывает в Лк.12:50 предельно широкий обзор Христова дела, и даёт возможность увидеть не только Его Крест и Голгофу, не только погружение в собственные страдания, не только произведённое Им разделение людей, но всю земную историю от начала и до конца – *дондеже скончаются*, т.е. до того воспламенения неба и земли, в которое, как в пучину, Он совершит Своё погружение. И даже ещё большую смысловую даль позволяет обозреть церковно-славянский текст. Погружение, о котором здесь идёт речь, и которое по-гречески называется «баптизма», или по-еврейски «атбала», совершается с целью омовения. Об огненном омовении Своего Тела, т.е. собранной Им на земле Церкви, говорит Господь словами: *Крещением же имам креститися, и како удержуся, дондеже скончаются?* И это погружение будет концом прежней и началом новой жизни Христова Тела. Но что это за пламя? Каков состав сего крещального огня? Этот огонь, разгораясь в душе человека, попадает в ней всякое земное пристрастие. Этот огонь,

разгораясь в духе, соединяет его с Божеством. Но этот же самый огонь, касаясь грехолюбивой души, жжёт её неумолимо. И этот же огонь будет огнём вечного мучения для нераскаянных грешников. И вот вопрос: каким образом огонь всепрощающей любви превратится в огонь непрекращающегося мучения?

Огонь любви, огонь мученья

«Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна.
Не верьте, юноши, не стареет она».

Ни слова более из этого, выученного в школе некрасовского стихотворения я не помню, только четыре строки. Меня удивило ударение, которое поэт поставил в слове «стареет» - на букве «а». Т.е. потому только эта строфа запомнилась мне, что удивила ударением. Разве не мог Некрасов подобрать другую рифму, другое слово? Наверняка мог, но не стал делать этого, может, предвидя воздействие необычного произношения, благодаря которому этот стих запомнился даже мне. А может, такова была форма произношения этого слова во времена Н.А.Некрасова?

Не меньшее удивление вызывали у меня во время моего воцерковления слова из часто читаемого в церкви зачала: *егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пояшет, и ведет, а може не хоцеши* (Ин.21:18). Надо бы сказать «состаришься», а в Евангелии сказано *состареешися*. И здесь неожиданное ударение помогло запоминанию, впрочем, и без того легко запоминающихся, благодаря своей красоте и силе, слов. Но кто этот *ин*, который *тя пояшет*, когда ты *воздежеши* свои руки к Богу? Русское «прострешь» или хуже того «протянешь» не передаёт и сотой доли заключённого в слове «воздежешь» значения. Точнее не скажешь, как именно *воздежеши* свои утомлённые в бессмысленных земных заботах руки к Небу с мольбой о даровании смысла и света. И когда восплачешь так от всего сердца, тогда *ин тя пояшет*. Но кто он?

Кто бы он ни был, он действует по поручению и от лица Божия. Но почему тогда он ведёт тебя, *а може не хоцеши*? Как дух любви может вести туда, куда ты не желаешь идти? Одно из двух: или это не дух любви, раз он не исполняет твоих желаний, или ты сам не знаешь, что такое любовь? Допустить первое предположение, а именно, что, если дух не содействует воле человека, значит, это не дух любви, нельзя уже потому, что эти слова сказаны самой Любовью. Но на минуту усомнимся в этой истине. Что тогда? Тогда тот, кто этим духом препоясан, отказывается следовать за препоясавшим его, названным в Евангелии словом «ин». Вправе ли он так поступить? Конечно, вправе, но тогда пламя Божественной Любви, наставляющее и просвещающего этого человека, превращается для него в огонь гееннский. Вот, собственно, и всё.

Поставим точку в огненной теме цитатой из Послания Апостола Петра. *Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию* (2Пет.3:9). Вот именно: долготерпит, не просто терпит, но долго терпит, т.е. томительно для Себя ждёт, а не восклицательно желает, чтобы сдерживаемый Им огонь Святого Духа возгорелся на земле. *Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят*. Если земля и все дела на ней

сгорят, значит, одно только совершаемое на земле дело должно нас беспокоить – душевное спасение. *Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают?* Апостол называет современных ему христиан ожидающими и желающими пришествия дня Божия, или по-церковнославянски *чающими и скорее быти желающими* его пришествия. И если первое причастие «ожидающим» без колебаний может быть отнесено к нынешним христианам, то второе – «желающим» и даже: *скорее быти желающим* – приложимо ли к нам, сегодняшним? Желаем ли мы, современные христиане, пришествия дня Божия? Правда ли, что *нова небесе и новы земли по обетованию Его чаем, в нихже правда живет?* Если это правда, и если, действительно, чаем, то ведь и чаять можно по-разному. Можно за чаем нового неба и новой земли чаять, а можно делом чаять. Делом чаять это как? *Итак, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире.* В каком мире мы должны явиться пред Ним неоскверненными и непорочными? Мирлюбцы, пожалуй, думают, что в мире, который пишется через «і»? Однако нет, не в этом видимом мире, но в мире, который ступенькой выше, который через «и», т.е. в душевном мире должно нам пребывать в ожидании Господа. Этого мира за чаепитием не стяжешь. (*) Но только в этом мире будучи, можно нам оказаться достойными мира, который через ижицу, и в котором пребывают новое небо и новая земля. И в этом мире (который через «и») пребывая, *долготерпение Господа нашего почитайте спасением* (2Пет.3:15). Итак, ничем иным как спасением является для нас отсрочка второго пришествия Христова.

(*) Не подумайте, что я против чая, особенно со смородиновым листом и мятой. Где-то читал, как преподобный Амвросий Оптинский на вопрос: «Батюшка, хотите чаю?» ответил: чаю воскресения мертвых.

Отсюда, с 15-го стиха, можно вернуться к 9-му стиху, с которого мы начали чтение: *Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит на нас*, и тем закруглить эту тему.

Впрочем, как огненную тему не закругляй, она постоянно будет царапать и цеплять. Она – краеугольна уже потому, что напрямую касается спасения, которое, если для кого-либо из нас совершится, то совершится через огонь. Каким он будет? Очистительным? *А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня* (1Кор.3:15). Губительным? *Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников* (Евр.10:26,27). Но, так или иначе, *каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть* (1Кор.3:13).

Но почему вдруг огненная тема возникла на этих страницах? Она разлилась от опрокинутого церковного светильника и от рассыпавшегося искрами огня, который пока горел в церковной лампаде, горел покойно и ровно, когда же разметался по российской земле, то зажгёт каждого человека. Но пусть читатель не подумает, что автор сейчас начнёт скорбеть о разрушенном жизненном укладе, начнёт безутешно горевать о вспыхнувшем всероссийском пожаре, начнёт рыдать и причитать со словами «да за что и почему, да на кого же ты нас

оставил», и прочими слёзными причитаниями, без которых не обходятся ни одни похороны. Хотя горевать, конечно, должно, ибо не *капля каплющая на землю* (Пс.71:6), но огненный поток хлынул на неё, огненная гроза, для одних живительная, для других губительная разразилась над Российской империей от сдерживаемого Господом огня Небесного. И потому уместна скорбь, уместны жалобы, сопцы, молва, множество плачущих и кричащих, которых живописует нам Евангелие подле смертного одра Иаириной дочери.

Однако рыданий не будет. Ведь мы только что по стихам читали Апостольское послание, где говорится о последнем Божием дне как о желанном дне Его пришествия. И даже недовольство высказывали тем, что нет у нынешних верующих радости и задора, нет встречного порыва, который должен овладевать теми, кто ждёт с нетерпением. В самом деле, где пальмовые ветви? Где срываемые с себя и бросаемые под ноги Господа одежды с восклицаниями: *Благословен Грядый во имя Господне!* (Мф.23:39). Их нет. Более того, уныние, малодушие и леность свили гнёзда в наших сердцах. Так значит надо радоваться, когда случаются огненные грозы, подобные грозе 17-го года? Значит, надо под их молниями ликовать, потому что в любой из них должна, наконец, страшным огнём блеснуть молния пришествия Сына Человеческого и расколоть небо надвое?

Но как этому радоваться? Как радоваться грозе, когда знаешь, что в ней погибнут неготовые явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире, *от нихже первый есмь аз* (1Тим.1:15)? Как радоваться, когда надо содрогаться? Как радоваться, когда имеешь претензии на глубину, на мучительный знак вопроса в конце бытия, на трагедию и скорбь, а не на водевиль с восклицательным знаком?

Вершки и корешки

Недавно мне был задан вопрос православным христианином: почему все лица на наших иконах грустные? Я опешил. А какими же они должны быть? Смеющимися, как на картинках сектантских журналов или рекламных фото? Кстати, может, именно потому, что лица на иконах грустные, а не по каким-либо идейным соображениям возникали и возникают иконоборческие ереси? Но что происходит в наших головах, если такие мысли в них прокручиваются? Какие необратимые сдвиги в среде православных совершаются, если даже на иконы они начинают смотреть как на рекламные щиты?

Известно, что православными именуют себя люди разного духовного устройства. Есть новорожденные, есть новоначальные, есть те, кто пытаются очистить ум, а есть приступившие к очищению сердца. Нельзя их смешивать, но и не смешать их нельзя. Между этими двумя «нельзя» всякий раз оказывается священник, когда перед ним стоят всех возрастов и всех духовных уровней прихожане, а ему нужно сказать для них слово.

Впрочем, не об этом речь, а о том, что сам пастырь нехотя и поспешно прочёл следующие слова Святителя Иоанна Златоуста, когда наткнулся на них в его трудах. «Если и ты плачешь так же, то подражаешь своему Господу. И Он ведь плакал о Лазаре (Ин.11:31), об Иерусалиме (Лк.19:41), и возмутился духом об Иуде (Ин.31:21). Да и часто бывало, что Его видели плачущим, а чтобы Он смеялся или хотя мало улыбался, этого никогда никто не видел, – почему и ни один из евангелистов не упомянул о том. (*) Также и Павел, что он плакал, и плакал три года день и ночь, сам о том свидетельствует (Деян.20:31), и другие о нём говорят то; а чтобы когда-либо смеялся, об этом нигде не говорит ни сам он, ни другой апостол, ни один из святых, ни о нём, ни о ком другом, ему подобном. Об одной только Сарре говорит

Писание (Быт.18:12), за что она и получила упрёк, также о сыне Ноевом, который за то из свободного сделался рабом. Впрочем, я говорю это, не запрещая смеяться, но удерживая от неумеренного смеха» (т.7, с.70).

Перепечатал эти слова, но лазейку-то себе в них оставил в последнем предложении, чтобы при случае улыбнуться. Хотя сколько уже можно смеяться «смехом неподобным»? (**). Как начал с эпиграфа зубоскалить, где затянута было великая Inferno, Canto Primero, которую я даже до середины не прочёл, дала петуха в Мороз, Красный Нос, так всё без устали зубоскалю. Ну, не получается мировой скорби, не может душа возвысится до трагедии, хочется ей и чайком побаловаться, и прочими невинными глупостями себя потешить. Но ведь и радости особой нет. Нет даже близорукой радости протестанта, который всегда считает себя непорочным перед Богом, всегда готов с восторгом броситься в революционный пожар, разведя огонь высотой в 49 локтей. (***) Ни печали, *яже по Бозе* (2Кор.7:10), ни непрестанной радости о Нём (см.1Фесс.5:16). Всё какая-то серединка на половинку, всё ёрничество да ёрзанье не прекратятся.

«И чему вы хотите научить читателя этим абзацем? - спросили автора. - Не кажется ли вам, что он не того? Неужели сами не видите, почему не того? Поставьте на свое место кого-то другого, так разглагольствующего, пришедшего к вам как к священнику. Что вы ему скажете? А... Вы здесь – не всегда священник? А разве для священника таковая возможность раздвоения еще оставлена после рукоположения?»

Читатель, мы не на проповеди и не на исповеди. Перед вами – литературное сочинение. Что же касается раздвоения, то, как рассмотренных мною авторов я настойчиво разделял на людей и писателей, так и себя не смешиваю. Я человек и священник. А что? Священники не люди? Не могут романов писать? Не могут ошибаться? Ещё как могут. Только римский папа безгрешен.

(*) «Господь плакал о грешниках, а вы издеваетесь над покойными писателями», - заметили автору. Что отвечать на такие обвинения? Господь плакал о грешниках, но не о фарисеях. Последних он обличал.

(**) «Смех неподобный». Как понять эти слова из 4-ой молитвы ко Святому Причащению? Если есть смех неподобный (или неподобающий), значит, должен быть и подобный (подобающий) смех? Подобный для кого? Неужели для святых?

(***) *...и поднимался пламень над печью на сорок девять локтей* (Дан.3:47). Как спрашивается, можно было подсчитать высоту пламени? Лестницу, что ли, подставляли? В одной из сносок нашего романа говорилось о мышлении древнего человека, выразившего числом 7 полноту. 49 это 7 помноженное на 7, т.е. полнота полная. О предельном жаре, который только можно было извлечь из горящих нефти, смолы, пакли и хвороста, хочет сказать Священный писатель, указывая на высоту пламени в 49 локтей. Подобный вопрос может возникнуть при чтении Евангелия. *После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов...* (Лк.8:1-2). Спрашивается, как можно было сосчитать выходящих бесов? Как можно сосчитать тех, кому имя легион? Ответ тот же. Священный писатель числом 7 хочет сказать о полном внутреннем очищении Марии. Апостол Петр спрашивал: *Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?* (Мф.18:21). И услышал в ответ о седмижды семидесяти разях (*седьмьдесят крат седмирицею*), что значит

490. Это, по сути, повеление о бесконечном и всегдашнем прощении *брату моему, согрешающему против меня*. Если мы обратимся к Таинству Соборования, то и в нём увидим ту же седмицу полноты. При чтении семи Евангелий совершается 77-кратное помазание соборующихся святым елеем: «на челе (1), на ноздрях (1+1), на ланитах (1+1), на устех (1), на персех (1), на руках на обе стране (2+2)». Итого: $1+2+2+1+1+4=11$.

Скажу вам откровенно, я не хотел писать этой части своего сочинения, точнее сказать, не думал, что она приобретёт такой вид. Я хотел написать о действиях сердечной молитвы Преподобного Василиска Сибирского, как они описаны Старцем Зосимой Верховским, и сопоставить их с 14-ой главой 1 Послания к Коринфянам, чтобы показать, что дары Святого Духа с самого дня Пятидесятницы как жили, так и продолжают жить в нашей церкви, но их проявлению в полной мере в современных христианах мешают телевизор и литература.

«Это как же понять? Почему так грандиозно сильна литература, что способна помешать проявлению даров Святого Духа? И как понять употреблённое здесь слово «проявление»? – спросили читатели.

Святой Дух не будет насильно действовать в человеке по самому Своему свойству святости. Бог ни в чём человеческом не нуждается, и потому святыня Божия проявляется не во всех людях, но только в любящих Его. *Иуда, не Искаримот говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру? Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин.14:22,23).

Независимость есть отличительное свойство Святого Духа. Все другие духи зависимы. Зависимы не в том, конечно, смысле, что они не могут существовать без людей, нет, они веками без нас жили и жить будут. Их зависимость проявляется (вот опять это слово) страстно. Страсть всегда паразитирует на ком-то или чём-то. Гордость, сребролюбие, тщеславие, гнев, ненависть, объядение и все другие страсти – это формы зависимости. Например, тщеславный человек не может быть тщеславным сам по себе, поскольку тщеславиться можно только перед кем-то. Богатящийся не может обогащаться сам по себе, но только за счёт других. Объедаться, значит зависеть от еды и так далее. Какую страсть не возьми, с каждой из них необходимо будет пребывать нечто или некто, кто бы их подпитывал. Всякому нечистому духу нужно что-то внешнее. И только Святой Дух – во Святей Троице споклоняемый и сславимый – самодержавен и самодостаточен. Но зачем тогда Ему нужны люди? Зачем Он вселяется в нас?

Дух Святой вселяется в людей не по страсти. А как? По подобию. Находя Себе подобную среду обитания, Он живёт в ней. Всё просто. Когда нет в душе человека чего-либо мешающего Святому Духу, тогда Он входит в неё и живёт в ней. Впрочем, это темы следующего отрезка нашего пути «В Зосимину Пустынь». Здесь же мы хотели сказать, что дары Святого Духа, о которых говорит Апостол Павел, например, в 1Кор.14:1, *достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать*, живут в церкви, но под многовековым культурным спудом. (*) И этот спуд вершат собой литература и телевизор.

Телевизор я бил, бил, не разбил. Предоставляю вам, читатель, разбить его самостоятельно. А литературу я хотел только для порядка стукнуть, но стоило её только стукнуть, как рука по локоть ушла в неё, и на поверку оказалось, что вся наша великая

русская литература – труха и *надутое пустословие* (2Пет.2:18). Но не было планов погрома, не было желания обличать и, тем более, оскорблять. Что же было? Был страх поднять руку и ударить бывшую для меня неприкосновенной святыней литературу. Поэтому, зажмурив глаза, я начал размахивать руками направо и налево, от испуга не соизмеряя силы ударов. Вернее сказать, именно потому, что внутри литературы оказалась труха, то удары выходили сильными не от меня, но из-за пустоты «святыни». «Неужели здесь пусто?» - удивлялся я со всяким ударом. И здесь пусто. И здесь. Лишь к 15-ой главе, придя в себя, я начал писать спокойней. Поэтому прошу прощения, если где переусердствовал: это я от испуга.

Аз же рех во изступлении моем: всяк человек ложь (Пс.115:2). Вот именно: *во изступлении*, или, как говорится в русском переводе: *в опрометчивости* совершается всякое обличение чьей-либо, в том числе и собственной, лжи. Также и наши антилитературные выступления, конечно, изступлены, конечно, опрометчивы, и иными они быть не могли. И наша разоблачительная правда также содержит в себе ложь, ибо лжив всякий человек по определению.

Другой вопрос возникает. Как удержаться от скоропалительности и быть спокойным, когда тебя призывают «жить не по лжи» погрязшие во лжи? Имею в виду подобных себе литераторов. (**). Как уклониться от лживости их сочинений, как будто мало мне собственной? Как? Очень просто. Не надо их читать. Что же читать? То, что продиктовано Святым Духом, т.е. слова Священного Писания и Предания, о которых Церковь свидетельствует как о боговдохновенных. Читайте, читатель, слова, обагрённые мученической кровью, слова, истинность которых подтверждена чудесами святых при жизни и по смерти, слова, неземная и животворящая природа которых, доказывается нетлением мощей тех людей, кто их читал и произносил; слова, которые запечатлены терпением, выверены подвигами и очищены мучением. Читайте *словеса Господня словеса чиста, серебро разжжено, искушено земли, очищено седмерицею* (Пс.11:7). У одного только Святителя Златоуста 12-ть томов самых спасительных слов. А ещё Жития Святых, ещё их наставления, ещё оставленное нам Богослужение... Здесь отыскивается всё: и поэзия, и театр, и кино, т.е. полезное для души зрелище. А вы спрашиваете, что читать и смотреть?

(*) «Спуд - црк. сосуд, кадочка или ведёрко, как мера сыпучих тел». (В.И. Даль)

(**) «Вы – литератор?! Вы – священник! И только священник!» - воскликнул один читатель. «Как это? - удивился автор. - И человеком я уже не могу побыть? И чаю мне попить нельзя с кем-либо по-человечески, но только по-священнически? Помните Чапаева? Как он объяснял, что командиром для бойцов является только на передовой, и только в бою его приказы не обсуждаются. А в прочее время, говорит, приходите запросто».

Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную (Гал.6:7,8). Что порастёт в нас? Божие Слово или пустота? Окажемся ли мы пшеницей в Небесных закромах или будем сожжены огнём, как плевелы? Не обманывайтесь, самодержавный Бог ни в чём человеческом не нуждается. Создав нас, не спрашивая нас, Он теперь мучительно ждёт ответа от каждого человека: с кем тот хочет быть? С Ним или без

Него? Братья и сестры! Бог Слово хочет прорасти в нас, чтобы даровать нам вечное с Ним общение. И если мы не хотим помочь, так хоть препятствовать Ему в этом не будем.

В 1-ой части романа мы рассматривали препятствия на пути к Богу, во 2-ой поговорим о пособиях, т.е. обратимся, наконец, к образам святых и преподобных отцов. 1-я часть может вызвать резкое неприятие, но не для того она написана, чтобы смутить и сбить вас с последнего, невыбитого телевизора толку. Не для того написана эта часть, чтобы по-большевистски до основания старый мир разрушить, а потом построить новый. Повторяю: всё разрушилось само собой. И строить ничего не надо, всё давно построено святыми отцами. Нужно только разобрать вековые завалы выдумок и лжи.

Мы давно уже, несколько веков живём в виртуальном мире. Как только церковь стала вытесняться на обочину жизни, так реальность стала замещаться виртуальностью. Свято место пусто не бывает. И если в одном святом месте, т.е. в красном углу жилищ вместо икон ставятся идолы Литературы и Телевизора, то в другом святом месте, т.е. в людских душах вместо Бога поселяются бесы. *Что же я говорю? То ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь? Нет, но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской. Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его? Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищет своего, но каждый пользы другого (1Кор.10:19-24).*

Нас учили: Ленин – милый, славный, добрый человек. А оказалось? Изверг, каких мало. Откуда же пришла эта слепота? Всё оттуда же. Непрочитанный и неувиденный, как он есть, Ленин стал самым человечным человеком после непрочитанного и неувиденного, как он есть, Пушкина. После принятия «пророка» Пушкина легко был принят «апостол» Ленин. Где же «бог» этих «пророка» и «апостола»? Бдите, он скоро откроется. (*)

Вы скажете, что я, как всегда, преувеличиваю. Вы скажете, что нынешнее церковное возрождение вселяет надежду и говорит об обратном – о нашем возвращении к истокам Православия. О, если бы к истокам возвращалось русское православие. Но отнюдь не к истокам, а к той же излучине, что вынесла нас в океан безбожия. Мы возвращаемся к тому же лукоморью (**), где дуб зелёный да кот учёный, где сказки да золотая цепь.

Если уж преувеличивать, так преувеличивать до конца. После вытеснения церкви за околицу жизни, ей было отведено место парикмахерской. Корешки, т.е. страсти обильно поливались миром, а вершки, т.е. грешки для придания общей картине жизни пристойного вида, подстригались церковью. И прочие различные требы для удовлетворения религиозных потребностей населения совершались церковью. Так заботливо обеспечивало работой российское государство все свои органы. Не к этой ли симфонии властей мы возвращаемся? И не для того ли возвращаемся, чтобы вылиться, но уже окончательно и безповоротно, в огненный океан?

Слабо нам вырвать корешки? Так постараемся хотя бы не поливать их. Может, труд неполивания, который и трудом-то назвать стыдно, послужит к нашему оправданию перед человеколюбивым Богом.

И заканчивая 1-ю часть этих записок, возблагодарим Подателя всех благ Господа нашего Иисуса Христа за то, что Он нам дал понять, и особо возблагодарим Его за то, что Он нам понять не дал.

(*) У писателя Венедикта Ерофеева есть «Моя маленькая лениниана», где он собрал характерные выдержки из сочинений В.И. Ульянова (Ленина), сопроводив их краткими комментариями. Писателю Ерофееву, будь он духовно позорче, следовало бы взять собрание сочинений Пушкина, а не Ленина, чтобы увидеть в них тот же дух, и уже до конца с ним разобраться.

(**) Пушкинское лукоморье вспомнилось мне после слова «излучина». Дело в том, что слова «лукоморье», «излучина», «лук», «*слука*» (Лк.13:11) – одного корня, к которому относится и слово «сляченный», т.е. скорченный, согнутый, кривой. И слово «лукавый», видимо, к этому же корню относится.

Правда без любви и ложь с любовью

После того, как эта часть книги была написана, и благодарение Богу было принесено, новые мысли настойчиво зашевелились в голове автора. Он стал искать им подходящее место в наличном книжном пространстве, но не нашёл лучшего кроме здешнего, потому что без написанного выше их трудно понять.

Надутым пустословием названа мною русская литература. Не слишком ли опрометчивы эти слова? Не безмерно ли увлёкся автор в своём нигилистическом порыве? «Нет, - отвечают на эти вопросы мои новые мысли и добавляют ещё решительней и иступлённей, - не празднословием только, но великой западнёй следует назвать великую русскую литературу». Писали и не делали, говорили и не исполняли лучшие свои слова российские писатели. *Глаголют бо, и не творят* (Мф.23:3). Это ли не грех празднословия? Впрочем, давайте ещё раз уточним, о чём мы ведём речь. Мы не касаемся частной жизни писателей, и до их личных грехов нам нет никакого дела. *Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к міродержителем тьмы века сего* (Еф.6:12). Нельзя понять эти слов Апостола, если не разграничить людей и тех злых духов, которые хотят через людей положить конец распространению Евангелия. Не о грехах людских вели мы речь, но об этих самых духах, а если и цеплялись где ненароком за личности писателей, то просим у них прощения. Итак, не о литераторах мы старались говорить, но о литературе как об учении, преподаваемом через книги самому широкому кругу читателей.

Два пути было у нас «В Зосимину Пустынь», читатель. Двумя способами можно было поступить, ведя разговор о литературе. Первый: всячески смягчать свою речь, сооружая словесные мостки и подпорки, и утомительно замедляя себе дорогу обходами. И второй путь: сказать всё сразу, а потом просить прощения за прямоту. Я предпочёл идти напрямик. Не обессудьте, то есть не оставьте без суда и следствия, разберитесь, прежде чем наказывать.

«Читатель ждал от вас христианской чистоты и истинной любви, которая умеет говорить строго, даже сурово и колко, но при этом сохранять меру, и место, и время, и главное – свою подлинную любовь к людям, желая им добра и полезного назидания. А вы сумятицу в читательские души внесли».

Сумятицу? Но ведь я же ясности хотел. Хотел доискаться причин этой проклятой революции, которая длится, уже которое столетие длится, не прекращаясь, в моей родине, в Святой Руси, уведённой со своего святого пути литературой. Ведь и пропасть уже видна, а мы не хотим остановиться. Нельзя считать художественную литературу только художественной литературой, а писателей только создателями словесных образов. Литература это именно учение, а писатели – учителя.

«По-вашему учение можно рассматривать отдельно от личности учителя? Но разве они делимы? Тем более в литературе?» - спросили автора.

А почему нет? Почему нельзя разделить человека и его учение? Мы неоднократно говорили, что не судим личности: этот суд принадлежит Богу, но судим учение, и этот суд принадлежит нам. У нас есть не только право, но обязанность – проверять всё, чему нас учат. А как же иначе? Впрочем, мысль о том, что литература является учением, более или менее понятна. Непонятно и удивительно то, как литература без всякой проверки, голословно и необдуманно была принята всеми за учение христианское?

«Ну, а какое же она по-вашему учение, - возмутится читатель, - нехристианское?»

Да, литература это учение нехристианское, но не в том, конечно, смысле, что учит ненависти, злобе, вражде, убийству, лицемерию, разврату, лжи... Нет, этому она не учит, т.е. не вся литература этому учит, но лишь некоторая её часть, но этой части мы не касаемся. В нашем романе мы рассмотрели лучшие классические образцы и попытались доказать, что художественная литература является учением антихристианским в том смысле, что передаёт учение Христово не полностью или неточно. Разбирая отрывки из произведений Достоевского, мы видели, что даже малое искажение Христовых слов в итоге уводит от Христа. Точно так вся литература, забывая или не замечая полноты Евангелия, но сосредоточиваясь только на некоторых его положениях, даёт читателю превратное представление о Благой вести, возвещённой Христом Богом человечеству. И вопрос искажения Евангелия (а не личных писательских грехов) нас, читателей и почитателей художественной литературы, не может не касаться. Мы даже обязаны высказаться по нему, потому что разделим с классиками грех еретического толкования Евангелия, если согласимся с ними. Мы обязаны высказаться ещё и потому, что решение этого вопроса определит нашу не только загробную, но и земную будущность. Почему? Потому что народ, который избирает себе в любимые поэты Есенина, ожидает судьба поэта Есенина...

Боюсь, что я опять чрезмерно резко обозначил тему. Это моя беда, моя скорбь, не могу говорить *духом кротости* (Гал.6:1), не могу писать вежливо и мягко, выражая всем своё почтение.

«Опять усмешки в бороду? Опять ужимки рядом с образом подлинной христианской праведности, как будто без манерничанья христианство не умеет говорить суровую правду?»

Вы от меня многого требуете, читатель! И за грудки при этом берёте. А надо бы с любовью, поласковой. Я от вас всего на всего прошу не смотреть диавольский телевизор и не читать масона Пушкина, а вы от меня святости требуете.

«Бесстрастия мы просим, т.е. главного условия учительства. Перечитайте об этом 3-ю главу Послания Апостола Иакова».

Бесстрастие будет там, в Зосиминой пустыни, дал бы Бог сил дойти до неё. Но в Зосиминой пустыни я о поэзии Пушкина и Есенина не то чтобы думать, вспоминать не захочу.

«Батюшка, от вас ждут подлинного добра, которое являли в разных своих интонациях святые апостолы и учителя Церкви, или хотя бы всегда ощущаемого внимательным читателем внутреннего устремления не самовыражаться».

Вот здесь грешен. Прошу простить. Хочу исправиться. Но даже сейчас я готов найти себе оправдание: я пишу роман, а не послание, и пытаюсь разговаривать с литераторами и читателями их языком, а не языком святителя Филарета. Литература есть приём, искусство завитушек, подделка под жизнь. Талант писателя в том и состоит, чтобы оживить своё

буквенное создание с помощью образов. И одни в своих художественных образах рисуют дворянские усадьбы и балы, вторые крестьян и пашню, третьи сапоги и косоворотку, четвёртые ещё что-нибудь, но все они, первые, вторые, третьи и четвёртые играют каждый свою роль в шумной пьесе под названием «Литература». Поэтому с серьёзностью отвечать: «Не напрасный, не случайный» на пушкинское: «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана» – это попросту говорить на разных языках. Пушкин-писатель есть игра, вернее, выбери игру из его сочинений, и не будет писателя Пушкина. Посему читать, разбирать и изучать его произведения можно должным образом, только подыгрывая ему. Или я не прав?

Выше я просил прощения у писателей и читателей за то, что в разговоре о литературе переходил на личности. Теперь прошу прощения за то, что не умею говорить сдержанно. По этому поводу мне неоднократно делали замечания: «Редкие из православных могут понести о себе жесткую неумасленную правду. Тем более правду, высказанную сплеча и с некоторым внутренним ожесточением. *Милость и истина сретостеса, правда и мир облобызастеса* (Пс.84:11). «Правда должна быть с любовью. А любовь – с правдой», - говорил Патриарх Сергей. А наш батюшка еще лучше говорил: «Правда без любви есть ложь. Именно так и будет действовать антихрист. Он будет обманывать людей правдой!»

И опять, мне бы согласиться с читателем ради милости и мира, но как это сделать, если я не понимаю этих слов? Не понимаю, что значит «правда без любви есть ложь»? Выразим сказанное математически: «правда – любовь = ложь». Переставим члены этого уравнения и получим, что «ложь + любовь = правда». Страшное вышло уравнение, не так ли?

«Математикой, уравнениями поверяете слова священника? Чудеса!»

Это делается для простоты выражения мысли. Только и всего. Правда она и есть правда. Просто сказать её можно по-разному: с любовью или без любви.

«Ложь! Не может человеческая правда быть правдой, только Божия недосыгаемая Правда есть Правда. Между ними – бездна! А Божия Правда всегда Любовь».

Если речь идёт о Божией правде, как вы говорите, читатель, то она не может быть без любви по определению. Поэтому выражение «правда без любви есть ложь» лишено смысла, ибо означает, что «любовь без любви есть ложь». Абсурд. Если же попытаться вернуть смысл этому выражению, то нужно признать, что речь идёт всё-таки о человеческой правде, но тогда ваши слова неверны, зато верны мои уравнения.

О какой же правде я думаю, когда говорю, что «правда она и есть правда, просто сказать её можно по-разному: с любовью или без любви»? Скажем так: о человеческой правде, стремящей к Божией правде. Человеческая правда, ищущая Бога, есть правда. И её можно сказать по-разному. Так же и человеческая ложь, т.е. жизнь без Бога, есть ложь. Её также можно сказать по-разному. Антихрист, как мне кажется, и будет говорить ложь, скрытую словами о любви.

Западня любви

А.С.Пушкин написал: «И долго буду тем любезен я народу, /.../ Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал». Всё верно, всё мило, все замечательно сказано поэтом Пушкиным. Но какому «народу»? Какую «свободу»? Какую «милость»? И к каким «падшим» он воспел? Милость к падшим – это призыв Самого Христа, если под падшими понимаются раскаявшиеся грешники. А если под падшими понимать

нераскаявшихся? Если под падшими понимать бесов? Можно ли проявлять милость к бесам? Нельзя! Нельзя всех без разбора покрывать милостью и любовью. Вот здесь-то и поставлен прелестный капкан в поэзии Пушкина. (*) Такой же «капкан любви» можно различить и в словах Достоевского о слезинке ребёнка.

(*) «Что это вы Пушкину навязываете то, чего у него нет?» - сказали автору. «Как это нет? - удивился он. - Народ Пушкина это особый, пушкинский народ. Свобода Пушкина это не христианская свобода. Вот вам уже два капкана. А про «милость» и «падших», какова она и кто они? – другой разговор, тоже не обещающий поэту Пушкину приятностей».

«Видишь ли, Алеша, ведь может быть и действительно так случится, что, когда я сам доживу до того момента, али воскресну, чтоб увидеть его, то и сам я пожалуй воскликну со всеми, смотря на мать, обнявшуюся с мучителем ее дитяти: "Прав ты, господи!" но я не хочу тогда восклицать, Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к "боженьке"! Не стоит потому что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены. И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены. Не хочу я наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание свое; но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему! А если так, если они не смеют простить, где же гармония? Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями не отомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и не прав*. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю.

- Это бунт, - тихо и потупившись проговорил Алеша.

- Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, - проникновенно сказал Иван. - Можно ли жить бунтом, а я хочу жить. Скажи мне сам прямо, я зову тебя, - отвечай: Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бившего себя кулачком в грудь и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

- Нет, не согласился бы, - тихо проговорил Алеша.

- И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?

- Нет, не могу допустить. Брат, - проговорил вдруг с засверкавшими глазами Алеша, - ты сказал сейчас: есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Но Существо это есть, и оно может все простить, всех и вся *и за всё*, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за всё. Ты забыл о нем, а на нем-то и зиждется здание, и это ему воскликнут: "Прав ты, господи, ибо открылись пути твои".

- А, это "единый безгрешный" и его кровь! Нет, не забыл о нем и удивлялся напротив всё время, как ты его долго не выводил, ибо обыкновенно, в спорах все ваши его выставляют прежде всего. Знаешь, Алеша,

ты не смеялся, я когда-то сочинил поэму, с год назад. Если можешь потерять со мной еще минут десять, то я б ее тебе рассказал?» (*) (Везде курсив Достоевского, - Г.С.)

Не будем говорить о том, что невозможно простить «всех и вся *и за всё*», как учит «А.Карамазов», и о том, что невозможно силою ввести в рай того, кто хочет «оставаться лучше со страданиями не отомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и не прав*», как говорит «Д.Карамазов». Об всём этом мы уже довольно поговорили. Заметим другое. Кем и для чего взяты на вооружение слова Ф.М.Достоевского о слезинке ребёнка? (**)

«Опять воинственная лексика, - скажет читатель, - опять гонка вооружений? Скажите, батюшка, почему вы не хотите понять, что не для вооружения, но, напротив, для разоружения многими цитируются слова Достоевского о детских слёзках? Почему вы не хотите мира? Почему вы постоянно рвётесь в бой?»

Мир миру – рознь. С одной стороны христианам заповедано: *взыщи мира и пожени* и (Пс.33:15), а с другой: *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба* (1Фесс.5:3). «Хочешь мира – готовься к войне», - учит латинская поговорка. «Хотите собрать духовный плод мира – *облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских* (Еф.6:11)», - учит Апостол. Нельзя христианам не вооружаться, когда Апостол их к этому призывает. Нельзя не воевать воинам Христовым (***), только *нести наша брань к крови и плоти*, но против антихристианских идей. Чем же идеи гуманизма (а именно гуманисты взяли на вооружении слова Достоевского) противятся Христу? Тем, что не принимают Евангелия во всей его полноте, т.е. не принимают Божиих слов о геенне.

(*) Братья Карамазовы. Том 1, часть 2, книга 5. Бунт.

(**) «Это слова не Достоевского, но его фигуранта – Карамазова», - возразили автору. Как это понять – фигуранта? Кто за эти слова будет отвечать? Карамазов, которого нет? Или всё же Достоевский?

(***) Воином Христовым называется христианин в таинстве Крещения, в словах первой запрещающей молитвы: «Изыди и отступи от запечатанного новоизбранного воина Христа Бога нашего».

В самом деле, Господь возвестил людям не только спасение, не только заповеди блаженства и вечной жизни, Он возвестил горе и погибель всем противящимся Ему. Скошенная перекидаина внизу креста, которую бережно хранят православные и сократили католики, указывает верхним своим концом ввысь на спасение, а нижним – в ад и погибель. Если отпилить эту перекидаину справа и слева, то выйдет симметричная красота.

Мысль, схожая с мыслью «Дмитрия Карамазова», была высказана Достоевским в пушкинской речи, когда Федор Михайлович говорил о старике, муже Татьяны. «Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того - пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И

можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми?»

Мысли, приведённые в отрывках из романа «Братья Карамазовы» и из пушкинской речи, схожи. Разница только в том, что, если в последней слова о земном счастье, построенном на несчастье, сокращены, то в романе они доведены, как кажется, до конца – до почтительнейше возвращённого Богу билета. (*) Я сказал: «как кажется, до конца», потому что до конца Федор Михайлович не высказался и в «Братьях Карамазовых». Где же конец? Где должен оказаться возвративший Богу билет «брат Карамазов»? Неужели он пойдёт туда, куда сам захочет, проявив хамское неуважение к Творцу? Нет, конечно. Он окажется в геенне.

Попробуем взглянуть на мысль Достоевского из пушкинской речи иначе. Он спрашивает: «И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми?» Перепишем этот вопрос, заменив временные понятия вечными. Согласились бы мы принять такое счастье, в фундаменте которого заложено страдание недопущенных в это счастье? И приняв такое счастье, т.е. основанное на несчастье гееннских страдальцев райское блаженство, «остаться навеки счастливыми»? Прошу читателей обратить особое внимание на последнее выражение Достоевского. Зачем в речи о земном счастье им было произнесено слово «навечно»? Можно ли предположить, что не об одном только земном времени помышлял Федор Михайлович, когда составлял свой вопрос? Как бы там ни было, это выражение даёт нам полное право продолжить мысль Достоевского туда, куда мы её продолжили – в вечность. Итак, читатель, согласились бы вы на вечный рай, в фундаменте которого вечный ад? (**)

Только прошу вас, не говорите пока ничего и не думайте долго над этим вопросом. Бес только того и ждёт, чтобы мы клюнули на его крючок, на котором в качестве приманки насажены слова о гуманности. Не будем ловиться на этот бесовский прилог и попадать в ловушку. Не ищите сами ответов на вопросы Достоевского. Всё давно уже сказано святыми отцами и учителями церкви. Вот их-то и нужно нам читать, а не художественную литературу. Вот тогда-то и будет в наших головах и чувствах порядок.

Назовём вышеназванные примеры из творчества Достоевского апориями (***) гуманизма и оставим их разрешение Святителю Златоусту, но прежде, чем выслушать его, скажем кратко о том, откуда гуманизм взялся. Гуманистическая культура выросла из церковной культуры, но со временем подмяла и подменила её собой, и вместо полноты Евангелия, которое наряду с вечным спасением возвещает и страшную весть о вечной гибели, возвеличила первую, а последнюю постаралась забыть. Так вышла гуманистическая западня любви, в которой словами о любви была прикрыта яма в ад, где червь их не умирает и огонь не угасает (Мк.9:44). *Обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их. Познан был Господь по суду, который Он совершил; нечестивый уловлен делами рук своих. Да обратятся нечестивые в ад, - все народы, забывающие Бога (Пс.9:16-19).* В церковно-славянском переводе: *Углебоша языцы в пагубе, юже сотвориша: в сети сей, юже скрыша, увязе нога их. Знаемь есть Господь судьбы творяй, в делех руку своею увязе грешник. Да возвратятся грешницы во ад: вси языцы забывающие Бога.* Какие грозные и прекрасные слова!

(*) «Возвращенного не Достоевским», - сказали автору. А кем? Карамазовым? Но его нет!

(**) «Апостол Павел предпочел быть осужденным, только бы братья спаслись?» - заметили автору. Что он ответил? Апостол Павел сказал также: *Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа* (1Кор.16:22). Но обо всём этом лучше походя не говорить. У Златоуста есть поразительные слова: «Там не так, как здесь: для облегчения бедствия твоего не принесут тебе – один серебра, другой пищи, иной утешительного и отрадного слова; там все будут чужие. Даже и Ной, Иов и Даниил, хотя бы увидели кого из своих родных страдающими, не согласятся тогда ходатайствовать за несчастных. Тогда отнимется у нас всякое сострадание, свойственное теперь природе нашей. Так как благочестивые родители порой имеют нечестивых детей, и благочестивые дети нечестивых родителей, то, чтобы радость праведников всегда была чистая и чтобы наслаждающиеся благами не возмущались состраданием, – для этого, повторяю, и само сострадание отнимется, и они вместе с Владыкой воспылают гневом даже против единокровных своих» (т.10, с.589). Подтверждение этим словам Златоуста можно найти в Евангельской притче о мудрых и глупых девах.

(***) *Апория* (греч.) - в античной философии логическое затруднение, непреодолимое противоречие при разрешении проблемы.

На многих страницах этого сочинения я призывал вас, дорогие братья и сестры, снимите лживые очки гуманизма, чтобы увидеть грозную красоту Псалтири. Взгляните на Божий мир безкультурными глазами, а лучше сказать, глазами церковной культуры, возделывающей древо Креста, возвращенного Христом посреди вечного блаженства и вечного пламени. Первое лежит с правой стороны от Креста, а второе горит с левой.

Да, конечно, можно по-разному говорить о том, что слева. Можно с торжеством, а можно и со слезами; можно радуясь, а можно и плача. Но как с радостью говорить о геенне? Точно так, как и плакать о ней можно по-разному. Нужно ли говорить, что слёзы Иисуса Христа это не слёзы Достоевского? (*) Или Федор Михайлович человеколюбивее Бога? Но как быть с поставленными им вопросами? Потерпите до ответов Златоуста, читатель. Ещё одна тема возникла в поле нашего зрения.

Прочтя в 7-ой главе этих записок слова о том, что, сойдя однажды с камня Священного Писания на зыбкий песок литературы, Русь пошла и поехала к обрыву, один читатель, не вытерпев, заметил: «Ну, вот, теперь и книжечки в костёр священник понесёт. И не научится человек ни слезы пролить, ни спострадать бедненьким, ни сказки дитю прочесть...»

Хотя и мог бы автор ответить, что до появления на свет художественной литературы всему этому крепко учились наши предки без неё. Чему доказательством служат российская и советская истории. Не будь в корнях России и СССР Святой Руси, которая выросла без литературы и без культуры, но на Псалтыри, Писании, Предании, церковной службе, на Житиях святых воспитала русский народ, то на 1/6 части мировой суши давно бы уже жили иные народы. А сейчас при обилии культуры потомки тех «безкультурных» людей, всё более разучиваются жить на земле... Хотя и мог бы автор так ответить, но он задумался: неужели бы понёс книжки в костёр? Неужели бы затопил печку книгами? Ну, а почему нет? Почему после того, как *из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм* (Деян.19:19), нам нельзя сделать того же? Сожгли, и – и слава Богу.

(*) *Прослезися Иисус* (Ин.11:35). Любящие проводить различные подсчёты протестанты говорят, что Ин.11:35 – самый короткий стих Священного Писания. Нельзя не обратить внимания на то, что в русском переводе порядок слов обратный: *Иисус прослезился*. Идя далее «В Зосимину Пустынь» мы, даст Бог, поговорим о том, как порядок слов влияет на порядок мыслей.

«Что? Сжигать художественную литературу?!»

Успокойтесь вы, оставайтесь с вашей литературой. В Деяниях Апостольских сказано о чародейных книгах, а не о трудах Платона, Сократа и прочих. Не сжечь, но с пристальным недоверием прочесть российскую литературу давно уже пора русским людям. А огонь для этого просто необходим. Ибо, как не может быть правого без левого, так не может быть любви без наказания. От чего спастись, если нет огня? В чём смысл спасения, если нет гибели? Всё обесмысливается, всякая любовь теряет значение, если нет геенны. Нельзя без огня, братья и сёстры! И лучше для некоторых текстов быть сожженными на костре временном, чем потом их авторам гореть в огне вечном.

«Церковники разжигают костры», - предвижу я название заметки в «Московском комсомольце». Ошибаетесь, господа комсомольцы, огонь давно горит, и, накрывая его словами о любви или же уводя читателей в сторону, вы тем самым его ещё более воспламеняете. Об этом постоянно говорит великий во святителях Иоанн Златоуст (*). Судите сами, читатель, как спасительно слушать его, а не господина Достоевского и московских комсомольцев. (**)

«Обрати внимание на непостоянство в суждениях большинства людей. Здесь жалуются на Бога, что Он часто бывает долготерпелив и равнодушно взирает на то, что многие злодеи, распутники, притеснители остаются без наказания; там опять горько и сильно ропщут на то, что Бог угрожает им наказанием, хотя, конечно, если последнее огорчает их, то первое следовало бы восхвалить и одобрить. О, безумие! О, скотское и ослиное рассуждение! О, грехолюбивая и преданная пороку душа! Ведь все эти суждения происходят от любви к удовольствиям, а если бы рассуждающие таким образом захотели прилепиться к добродетели, то они скоро убедились бы в геенне и не стали бы более сомневаться. /.../ На том основании, что Бог не всех наказывает здесь, ты не должен не верить будущим наказаниям; ведь Он человеколюбив и долготерпелив, потому угрожает и не тотчас ввергает в геенну. *Не хочу смерти грешника* (Иезек.18:32), говорит Он. А если нет смерти для грешника, то это напрасно сказано. Знаю, что для вас всего неприятнее речь о геенне, но для меня нет ничего приятнее этого. О, если бы вы и за обедом, и за ужином, и в бане – везде беседовали о геенне! Тогда мы не сетовали бы на настоящие бедствия и не услаждались бы земными благами. Да и что ты назовёшь несчастьем: нищету, болезнь, плен, лишение членов тела? Всё это достойно смеха в сравнении с будущим наказанием. Хотя бы указал мне на томящихся всегда от голода, на лишённых зрения с младенчества, на живущих нищенством, – и это ничего не значит в сравнении с будущим мучением. Поэтому будем непрестанно говорить о геенне, память о которой не допустит нас впасть в неё. /.../ Для чего же Христос сказал: *земли Содомстей отраднее будет в день судный* (Мф.11:24)? Итак, зачем ты шутишь тем, чем шутить не должно? Зачем ты обманываешь самого себя и вводишь в заблуждение душу свою? Зачем борешься против Божия человеколюбия? Бог уготовал геенну и угрожает ею для того именно,

чтобы мы, сделавшись от страха лучше, не впали в неё. Таким образом, кто не позволяет говорить о геенне, тот незаметно делает не что иное, как этим обманом толкает и ввергает другого в геенну» (т.9, с.885-886).

Автору после слов Святителя Иоанна остаётся одно: в очередной раз просить читательского прощения за то, что словесная пища многих страниц этой книги была приготовлена им без масла и оказалась грубой и неудобоваримой. Неискусный повар, крестьянский сын, солдатский кашевар, ленивый кухарёнок валюсь в ваши ноги, читатель, и прошу прощения за плохо сваренный обед. Так до сих пор в Афонских монастырях просят прощения у исходящей от стола братии трапезари, и если не падают в ноги, как об этом рассказывается в Патериках, то кланяются всем в пояс. Простите! (***)

(*) Кого в миру принято назвать великими? Пётр I именуется Великим. Много других великих политиков, писателей, учёных, музыкантов, спортсменов и т.д. есть в миру. Всех не перечислишь. А кто в церкви зовётся великим? *Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном* (Мф.5:19).

(**) Что же касается костров, то нынче вопрос стоит не о том, кто кого сожжёт первым? Комсомольцы иконы? Или христиане «Московский комсомолец» и литературу? Достаточно уже пожгли друг друга в былые века. Нынче вопрос стоит о том, как бы не сгореть нам всем вместе.

(***) «А игумен говорит: пойдя и вари заново, пока хорошим твой обед не станет», - сказали за игумена читатели. Увы! Все приготовленные для варки обеда продукты уже использованы. Хотите побить меня за дурной обед? Бейте.

И еще не dokonчал

Что есмь еще не dokonчал? С таким вопросом подошёл ко Господу некий юноша, ища спасения, и услышал от Него: *Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на Небеси: и гряди вслед Мене* (Мф.19:21).

Последнее, надеюсь, дополнение, читатель. Последняя приправа. О чём она? Мне говорят, что писатель Достоевский из всех сил воевал с гуманизмом, а я, дескать, не понимаю его слов. Я, действительно, не понимаю, как можно бороться с сорняками с помощью сорняков? Как можно говорить слова о любви, когда нет дел любви, и называть эти слова великим делом?

Чтобы пояснить свою мысль, приведу отзыв читателя на сноску 3-ей главы этого сочинения. Сноска была такова: «Расколос старушку Р.Р.Раскольников, и сам р-р-расколос, раскаялся. Старушка с Лизаветой радуются на райских книжных небесах, а Родион с Соней начали новую праведную жизнь. Я потому в шутейном тоне о покаянии Раскольникова пишу, как и о прочих персонажах «Преступления и наказания», что, хотя они, конечно, дорогие и выстраданные для Ф.М.Достоевского лица, но в действительности они не более, чем бумажные изделия, картонки. Федор Михайлович, надеюсь, простит мне мою несерьёзность».

Что ответил читатель? «Так-то оно так... Но выстрадалось всё это от видения и наблюдения реальной жизни, реальных людей. В этих картонках – сердце Федора Михайловича, его сострадание и любовь к человеку. Прочтя когда-то о пьяненьких, всегда мое сердце вслед за Достоевским обливается кровью при виде их... Я слышу сердце человека,

а не рассудочный постулат, хотя тысячу раз и правильный. Для меня и Федор Михайлович живая душа, и я беру его в сердце вместе с его думами и любовью к человеку, которую он просто как бы разворачивает перед нами. Простите, но ваш шутошный тон про картонки мне показался рассудочно-холодноватым».

Что ответил автор? Он поблагодарил читателя за прямой ответ и процитировал Апостола: *Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют* (1Кор.6:9,10). На этом разговор в 3-й главе закончился, поскольку автор не мог ещё сказать того, что может сказать сейчас. А не мог потому, что и читатель не был готов, но более потому, что сам автор не знал тогда нужных слов для ответа. Какого именно? Помните, читатель, вы как-то говорили про пьяненьких, а я вам в ответ Апостола, сказав, что ни одного слова в своей сноске не изменю, хотя понимаю и принимаю ваши слова. Да, я принимаю ваши слова, но не принимаю слов писателя Достоевского, потому что профессию писателя и писательское служение, как оно утвердилось в российском и советском обществах, отвергаю в принципе. И потому отвергаю, что сие служение не есть восхождение по лестнице патриарха Иакова, не есть преображение, совершаемое через умирание на кресте, но есть кормление своей самости и проращивание плевел.

Хочется помочь пьяненьким? Помогите им делом, а не любвеобильной словесной патокой. Помогите им молитвенным (а не писательским) словом. Помогите им, наконец, обличением, которое будет полезно всем, а наипаче тем, кто ещё не присоединился к пьющим. Помогите как-то иначе, как можешь и как знаешь, но не смей возражать Апостолу изощрённым и хитрым словом, не играй на добрых чувствах читателей. Почему это плохо? Потому что, чем дальше, тем больше вокруг нас «любви и гуманности», т.е. словесных плевел, которые уже самую пшеницу скоро перерастут. Что я имею в виду? Поставьте в текст Достоевского вместо «пьяненьких» «голубеньких», и увидите, что я имею в виду. Поставьте «розовеньких» вместо «слабеньких» и читайте, размазывайте эту словесную кашу, что разводилась российскими писателями в 19-м веке, смакуйте и утешайтесь ею до новой революции, но уже последней и окончательной.

« - Вот этот самый полуштоф-с на ее деньги и куплен, - произнес Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову. - Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все что было, сам видел... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела... Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют! (ЭТО ЛОЖЬ. ЕЩЁ КАК УКОРЯЮТ. ГЕЕННОЙ УКОРЯЮТ.) А это больней-с, больней-с, когда не укоряют!.. (НЕ «НЕ УКОРЯЮТ», НО ТЕРПЯТ ДО ВРЕМЕНИ. ВОТ ЧТО ДОЛЖНО ПРИЧИНЯТЬ БОЛЬ И СТРАХ, А НЕ ЛЖИВАЯ МЫСЛЬ О ТОМ, ЧТО НЕ УКОРЯЮТ.) Тридцать копеек, да-с. А ведь и ей теперь они нужны, а? Как вы думаете, сударь мой дорогой? Ведь она теперь чистоту наблюдать должна. Денег стоит сия чистота, особая-то, понимаете? Понимаете ли, сударь, что значит сия чистота? Ну-с, а я вот, кровный-то отец, тридцать-то эти копеек и стащил себе на похмелье! И пью-с! И уж пропил-с!.. Ну, кто же такого, как я, пожалеет? ась? Жаль вам теперь меня, сударь, аль нет? Говорите, сударь, жаль али нет? Хе-хе-хе-хе!

Он хотел было налить (ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ ОПОМНИТЬСЯ), но уже нечего было. Полуштоф был пустой.

- Да чего тебя жалеть-то? - крикнул хозяин, очутившийся опять подле них.

Раздался смех и даже ругательства. (ЧИТАТЕЛЬ, ХОТИТЕ ПОСТАВИТЬ ХОДОКА «В ЗОСИМИНУ ПУСТЫНЬ» СРЕДИ СМЕЮЩИХСЯ И РУГАЮЩИХСЯ НАД МАРМЕЛАДОВЫМ? СТАВЬТЕ, НО ТОЛЬКО НЕ ПРИСОЕДИНЯЙТЕ К СОЧУВСТВУЮЩИМ ЕМУ) Смеялись и ругались слушавшие и неслушавшие, так, глядя только на одну фигуру отставного чиновника.

- Жалеть! зачем меня жалеть! - вдруг возопил Мармеладов, вставая с протянутой вперед рукой, в решительном вдохновении, как будто только и ждал этих слов. - Зачем жалеть, говоришь ты? Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! (РАСПЯТИЕ ЭТО И ЕСТЬ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ ХРИСТИАНИНА, ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ ЗА ХРИСТОМ. НЕПОНЯТНО, ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ СЧИТАЕТ СЕБЯ ХРИСТИАНИНОМ ВОКЛИЦАТЬ ОБ ЭТОМ? ПРИЧЁМ, ГОСПОДЬ, КОГО ЛЮБИТ, ТОГО НАКАЗЫВАЕТ; БЬЕТ ВСЯКОГО СЫНА, КОТОРОГО ПРИНИМАЕТ (Евр.12:6). ИНЫМИ СЛОВАМИ, ЛЮБИМЫЙ И ПРИНИМАЕМЫЙ БОГОМ, НО БОЯЩИЙСЯ ВОЛЬНОГО РАСПЯТИЯ, БУДЕТ РАСПЯТ НЕВОЛЬНО, И ЭТО РАСПЯТИЕ БУДЕТ ДЕЛОМ БОЖИЕЙ ЛЮБВИ. ДРУГОЕ ДЕЛО, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ТАК ВОСКЛИЦАЮЩИЙ – НЕХРИСТИАНИН. ТОГДА ЭТИ ВОСКЛИЦАНИЯ СТАНОВЯТСЯ ПОНЯТНЫ) Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! (РАСПЯТИЕ ЭТО И ЕСТЬ СПАСЕНИЕ. ЗАЧЕМ ЖАЛЕТЬ СПАСЁННОГО? БРЕД КАКОЙ-ТО. ЗА СПАСЁННОГО РАДОВАТЬСЯ НАДО) И тогда я сам к тебе пойду на пропятие (ГОВОРИТСЯ, СЛОВНО ОБ ОДОЛЖЕНИИ. НО СОБСТВЕННОЕ СПАСЕНИЕ НЕ ЕСТЬ ОДОЛЖЕНИЕ КОМУ-ТО, ЭТО ТРУД, СОВЕРШАЕМЫЙ РАДИ СЕБЯ. РАДИ ДРУГИХ БЫЛ РАСПЯТ ЕДИНЬИ БЕЗГРЕШНЫЙ), ибо не веселья жажду, а скорби и слез!.. (А ВОТ ЭТИ СЛОВА – ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ИГРЫ, ПОТОМУ ЧТО ИМЕННО НЕСКОНЧАЕМОГО БЕЗУМНОГО ВЕСЕЛЬЯ ЖАЖДЕТ ТАКАЯ ДУША. ИСКАЛА БЫ СКОРБИ – САМА БЫ УСТРЕМИЛАСЬ НА КРЕСТ) Думаешь ли ты, продавец, что этот полуштоф твой мне в сласть пошел? Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел (ЭТА СКОРБЬ НАЗЫВАЕТСЯ ПОХМЕЛЬЕ. НЕСКОНЧАЕМОГО ВЕСЕЛЬЯ НЕ БЫВАЕТ. ШТОФ КОНЧИЛСЯ. ТЕПЕРЬ НАДО ЛИБО НА КРЕСТ, ЛИБО НОВУЮ ДОЗУ ИСКАТЬ. ВОТ И ВСЯ СКОРБЬ); а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал (ЭТИ СЛОВА ПРИВОДЯТ НА ПАМЯТЬ СЛОВА «АЛЁШИ КАРАМАЗОВА»: «Но Существо это есть, и оно может все простить, всех и вся и за всё, НО ВСЕХ И ВСЯ И ЗА ВСЁ ПРОСТИТЬ НЕВОЗМОЖНО!!), он единый, он и судия. Приидет в тот день и спросит: "А где дочь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? Где дочь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?" И скажет: "Прииди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много..." И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит... Я это давеча, как у ней был, в моем сердце почувствовал!.. (ЗДЕСЬ НЕГОДЯЙ ПРАВ, НО НЕИСПРАВЛЕН ПРЕБЫСТЬ ИУДА, РАБ И ЛЬСТЕЦ) И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие (ГОЛУБЕНЬКИЕ), выходите слабенькие (РОЗОВЕНЬКИЕ), выходите соромники!" И мы выйдем все, не стыдясь, (ПОЧЕМУ ЖЕ «НЕ СТЫДЯСЬ»? ПОТОМУ НЕОТКУДА ВЗЯТЬСЯ ТОМУ, ЧЕГО УЖЕ НЕТ? НЕУЖЕЛИ УЖЕ СТЁРТ ОБРАЗ БОЖИЙ?) и станем. И скажет: "Свиньи вы! образа звериного и печати его (А ВОТ ПРО ОБРАЗ ЗВЕРЯ И ПЕЧАТЬ ЕГО ПИСАТЕЛЬ ДОСТОЕВСКИЙ СОВЕРШЕННО НАПРАСНО ПРИБАВИЛ. ТАКИМИ ВЕЩАМИ НЕ СЛЕДУЕТ ШУТИТЬ ДАЖЕ В КАРТОННЫХ ПЕРСОНАЖАХ, ИБО ЭТО ХУЛА НА СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ПРИНЯВШИЕ ОБРАЗЫ ЗВЕРИНЫЕ БУДУТ ПРОЩЕНЫ СЫНОМ БОЖИИМ); но приидите и вы!" И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: "Господи! почто сих приемлеш?" И скажет: "Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего..." (А АПОСТОЛ ГОВОРИТ, ЧТО ВСЕ ОНИ ЗНАЛИ, ЧТО ДЕЛАЛИ, ГОВОРИТ, ЧТО ИХ ДЕЛА ДОСТОЙНЫ СМЕРТИ, И ВСЁ РАВНО ИХ ДЕЛАЛИ. ПОЧЕМУ? ДА ПОТОМУ ЧТО НИ ЕДИНЬИ ИЗ НИХ НЕ ПОСЧИТАЛ НУЖНЫМ ПОКАЯТЬСЯ) И прострет к нам руке свои (НУ ДА, ОГНЕННЫЕ РУКИ СВОИ), и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! (ДА БУДЕТ ПОЗДНО) Тогда всё поймем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет... (И ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА, И СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ, И МОЙСЕЙ АРОНОВИЧ, И ВСЕ-ВСЕ ПОЙМУТ, ДА ЧТО УЖЕ ТОЛКУ?) Господи, да приидет царствие твое! (И КАК ЗАКОНОМЕРНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ЭТОЙ ЛЖИВОЙ РЕЧИ – ГЛУМЛЕНИЕ НАД ГЛАВНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ МОЛИТВОЙ)

- Пойдемте, сударь, - сказал вдруг Мармеладов, поднимая голову и обращаясь к Раскольникову, - доведите меня... Дом Козеля, на дворе. Пора... к Катерине Ивановне...

И он опустил на лавку, истощенный и обессиленный, ни на кого не смотря, как бы забыв окружающее и глубоко задумавшись. Слова его произвели некоторое впечатление; на минуту воцарилось молчание, но вскоре раздался прежний смех и ругательства:

- Рассудил!

- Заврался!

- Чиновник!

И проч. и проч.»

Закончим цитирование. Можно до бесконечности читать бессмысленные сочинения Достоевского. Скажут, что это не чтение, это – глумление над великим произведением. Нет, дорогие, это не мы глумимся, когда их читаем, это над нами глумятся. Не сам, конечно, писатель Достоевский, но бесы, которые диктовали ему эти строки.

Но что мы слышим в конце цитаты? Трезвый глас народа даже в распивочной. Значит, раздавался он во времена Достоевского. Почему же ныне он всё тише и всё безпомощней раздаётся не только в обществе, но даже в наших душах? Сказать, почему? Потому что не крикнули в своё время писателям: «Рассудили! Заврались! Чиновники! и проч. и проч. Хотите правды – покажите её делом, а не словами. Хотите любви – взойдите на крест. Не можете? Тогда молчите». *Ибо Царство Божие не в слове, а в силе* (1Кор.4:20).

А ведь и к ходоку «В Зосимину пустынь», оказавшемуся вдруг в одной распивочной с Мармеладовым и Раскольниковым, эти слова можно отнести. Ведь и ему в лицо можно сказать: «Заврался ты, братец. И тебя гуманизм взрастил, и твою душу он проел, проросши в ней плеবেлами гуманности». Я не отвергаю этих упрёков, потому и говорю, что не Пушкина, Достоевского, Есенина и себя я хочу по-крестьянски скосить косой, но именно плевелы наших пустых слов.

Слово Божие, а не идеи, Евангелие, а не выдуманные поэмы и романы должны прорасти в нас, дорогой читатель. Поэтому я и говорю, что не понимаю, как можно противостоять литературе с помощью литературы? Как можно сражаться с идеями с помощью других идей? Как можно консерватизму бороться с либерализмом? Как можно препятствовать глобализму, целиком завися от него? Как можно одним «-измом» победить другой «-изм»? Это всё на самообман похожие занятия.

И напоследок приведу отзыв одного читателя, полезный всем нам. Приведу его в том же виде, что и отрывок из романа Достоевского, т.е. со своими примечаниями. В прежние времена такой способ записи назывался маргиналиями, т.е. заметками на полях, в нынешних условиях интернет-общения он зовётся комментами. (*)

ОСТАЁТСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ЖУТКОЙ ВЫДУМАННОСТИ, ВЫДУМАННОСТИ, ЧАСТО НАТУЖНОСТИ ТЕКСТОВ (ну да, более года изо дня в день натужно вымучивал и выдумывал их) КРОМЕ, РАЗУМЕЕТСЯ, ЧИСТЫХ БОГОСЛОВСКИХ, ВСЕГДА СТРОЙНЫХ И ПРЕКРАСНО СЕРЬЁЗНЫХ. ДЕЛО КЛЕИТЕ? ВОТ ЧТО ВАМ НУЖНО: ДЕЛО СКЛЕИТЬ ДА СКАНДАЛЬЧИК В ОБЩЕСТВО ЗАПУСТИТЬ. УЖ, НЕ ТЩЕСЛАВИТЕСЬ ЛИ ВЫ ТЕМ ЗАРАНЕЕ? В ПОЛУ-ШУТКУ СПРАШИВАЮ... Вроде не тщеславлюсь. Вроде не скандальчика, но правды хотелось. Только не цитируйте мне, пожалуйста, Пушкина и вашего батюшку про правду и любовь. НЕПРАВЕДНЫМ СУДОМ СУДИТЕ. «НЕТ ИСТИНЫ, ГДЕ НЕТ ЛЮБВИ» (ПУШКИН). Эх, не успел сказать, уже процитировали. Что ж, разберём с Божией помощью и этот гуманистический афоризм. О какой любви и какой истине речь? Если о Божиих, то разделить их нельзя. Христос есть и Истина и Любовь одновременно. Что же сказал Пушкин? Нет Христа, где нет Христа. Абсурд. Значит, не о Божиих, но о человеческих истине и любви идёт речь. Но таковых нет на белом свете. Только Божия недосягаемая Правда есть истинная Правда. Не ваши ли это слова, читатель? И из этих ваших слов можно заключить, что человеческая правда может только приблизиться к Божией правде. Спросим же поэта Пушкина, к какой Божией правде он стремился? Впрочем, уже не с поэта, но с человека Александра Пушкина надо бы спрашивать ответа на этот вопрос, поскольку не литературно-художественной правдой, но только жизненной правдой, т.е. прожитой жизнью можно к Богу приблизиться или удалиться от Него. Но с человека как могут спрашивать люди, и спрашивать то, что знает только Бог? Поэтому мы не касались личности поэта и говорили лишь о поэзии Пушкина, беря её целиком. Целиком это не значит, что мы всю поэзию рассмотрели. Нет, просто то, что обычно не замечается, мы выставили на первый план. Нас глубоко возмущают такие методы исследования, при которых одно слово поэта берётся, а другое опускается, одно предложение цитируется, а другое как бы не замечается. Такие методы называются еретическими, или гуманистическими. Нельзя играть словами. Это грех. Вот о чём моя речь. Как слово Божие, так и всякий

другой текст, требуют не упрощения, но глубины погружения. Можно даже сказать, что еретичество это и есть невникание в текст. Углубиться в текст о «пьяненьких» я предложил вам выше, а в пушкинском примере мы только немного копнули, и что открыли? Пустоту. Вы скажете, я сужу предвзято, схематично (**), узколобо, прокрустово, членовредительски, патологоанатомически и т.д., но я прошу вас показать ваш взгляд, оспорить меня. Вы не можете и говорите, что у нас разные системы координат и разные системы ценностей. Это не аргумент. Покажите мне вашу систему координат, взгляните не упрощенно, не поверхностно, не гуманистически, но углублённо на какой-нибудь текст Пушкина или Достоевского, и вам откроется бездна противоречий и нескладух. Итак, что же сказал поэт Пушкин фразой «нет истины, где нет любви»? Ничего не сказал. И мы точно так же ничего не говорим, но переливаем из пустого в порожнее, когда эту фразу за ним повторяем. Вот перед нами Божий мир. Надо брать его целиком, с болезнями, войнами, смертями, страданиями, несправедливостями. Надо принимать его полностью, веря и зная, что Бог есть его единственный Судия, Устроитель и Распорядитель. Вот Евангелие. И его надо брать целиком, с геенной, прещеннями и угрозами. Если же мы не берём их полностью, значит, мы их отвергаем. Значит, и литературу Пушкина надо брать целиком или отвергать целиком. В противном случае, т.е. в частичном её приятии или неприятии получается, что мы играем словами. Здесь нравится – беру, здесь не нравится – не беру. Получается, что мы становимся игроками. Хотите играть? Играйте. А я не хочу. Это грешно. А У ВАС НИКАКОЙ ЛЮБВИ ЗДЕСЬ НЕТ. ДАЖЕ К БОГУ, ДАЖЕ К СВЯТЫМ. Это вы необдуманно сказали. Если у меня нет любви к текстам Пушкина и Достоевского, это не значит, что у меня нет любви к Богу. Скажу даже, что отсутствие у меня любви к текстам Пушкина и Достоевского свидетельствует о моей любви к Священному Писанию. *Совершенною ненавистью возненавидех я* (Пс.138:22). Это о ком? Это о ходоке «В Зосимину пустынь» и о некоторых текстах Пушкина и Достоевского. ВСЁ ТОТ ЖЕ ОДИНОКИЙ ПРОКРУСТ, ХОЛОДНЫЙ, РАЗДРАЖЁННЫЙ, ЖАЖДУЩИЙ МЕСТИ И КРОВИ, ПРИТОМ ВЛАСТНЫЙ ВЕЛЬМИ... РАССУДОЧНЫЙ ПРОКРУСТ. ОДИН ТОН, ОДИН ЯЗЫК, ОДНА ЭТА МЁРТВАЯ И ЧАСТО ЖУЛЬНИЧЕСКАЯ ЛОГИКА. ХОТЬ БЫ КОГДА-НИБУДЬ ПУСКАЛИ ЛУЧИК СВЕТА НА ИНЫЕ СТРАНИЧКИ. НО ЛУЧЕЙ НЕТ, ЗАТО ПОСТОЯННАЯ ЗЛОРАДНАЯ УХМЫЛКА. ЧЕРЕЗ УХМЫЛКИ СВЕТ НЕ ПРОХОДИТ. УВЫ. Зато сам сатана может принимать вид ангела света. *Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их* (2Кор.11:13-15). Поймите, читатель, что речь идёт о чудовищном. Скажу вам прямым текстом о чём. О служении российской литературы сатане. МНЕ ЖАЛЬ, МНЕ НЕПРИЯТНО, НО ДРУГОГО СКАЗАТЬ О ВАШЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОЙ МЫСЛИ Я НЕ МОГУ (УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО К ВАШИМ БОГОСЛОВСКИМ ЭССЕ ЭТО НЕ ОТНОСИТСЯ ДАЖЕ В МАЛЕЙШЕЙ СТЕПЕНИ). Нельзя разделить человека. Надо тогда и эссе отвергнуть. САМИ ОТМЕЧАЛИ, К ЧЕМУ ПРИВОДИТ МОЛЧАЛИВОЕ ПРИЯТИЕ ГРЕХА. НАПОСЛЕДОК ЕЩЁ РАЗ ПОДЧЕРКНУ: Я НЕ ПРИНИМАЮ НЕ ВАШИ ПОЗИЦИИ, НЕ ВАШИ МНЕНИЯ, НЕТ. Что это значит? Что и вы литературу отвергаете? Но ведь вы её не отвергаете. А-а, вы отвергаете её с любовью. Отвергаю, любя. Люблю и отвергаю. Так? Но, может, вам прежде со своими чувствами следует разобраться, а потому уже помогать другим в их чувствах порядок наводить? Это же самое я хотел сказать, разбирая сочинения Ильина и Федотова, которые думали одно, писали другое, а делали третье, не видя своих противоречий. Потому что не наблюдали за собой, потому что писали на публику, а не перед Богом предстоя, как впрочем, Пушкин и Достоевский. Я НЕ ПРИНИМАЮ ТО, КАК ВСЁ ЭТО СДЕЛАНО, И ТО, ЧТО ЗА ЭТИМ У ВАС ВНУТРИ СТОИТ. КОРОЧЕ, ДУХ ЭТОГО СОЧИНЕНИЯ (РАЗУМЕЕТСЯ С ИСКЛЮЧЕНИЯМИ) Исключать нельзя: или всё отвергать, или всё принимать. И СОПРЯЖЁННЫЕ С НИМ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЕСЛИ ЖЕ ОТЛОЖИТЕ ПОЛЕЖАТЬ, И С БОЖИЕЙ ПОМОЩЬЮ ДУХ НАЧНЁТ МЕНЯТЬСЯ, ВЫ ЭТОТ ТЕКСТ ПОТОМ САМИ ОТРИНЕТЕ. Дух измениться не может. Я, вроде, не шизофреник. Литературу я отвергаю полностью. Грубо я это делаю или мягко – для меня это неважно. Я хотел бы написать мягче (и пытался это сделать с вашей помощью, за что и благодарю), но любви от этого не прибавится. А вам нужна именно мягкость. Вы возразите, что это свойство нужно назвать любовью. Но это не любовь, это именно политес, гуманизм и обилие слов. У нас разная глубина погружения. Вот и всё различие наших методов. ВАШ ТЕКСТ КОСМЕТИЧЕСКИМ РЕМОНТОМ НЕ ИСПРАВЛЯЕТСЯ. А ИМЕННО ЭТИМ ВЫ ХОТИТЕ ПОКА И ОБОЙТИСЬ: ТУТ ПОДМАЗАТЬ, ТАМ ПОДПРАВИТЬ. Да, именно так. Но ещё я бы хотел, даст Бог, вторую часть пути «В Зосимину Пустынь» пройти. А ПИСАТЬ НОВУЮ ИСТОРИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И

РУССКОЙ МЫСЛИ «ОТ ХРИСТА» – ПРОСТО НЕОБХОДИМО. Некогда уже новых историй писать. Не-когда. *Маран-афа*. Спасаться надо, а не истории писать. Хватит, поисписались писатели. Надо покаяться в написанном и прочитанном, и делом заняться, а не словотворчеством. *Не в словеси бо Царство Божие, но в силе* (1Кор.4:20). **НО АВТОР ДОЛЖЕН ВОЗЫМЕТЬ АНГЕЛЬСКОЕ УСТРОЕНИЕ – ЧИСТОТУ, ПРАВДУ, МУЖЕСТВО, А НЕ ВОИНСТВЕННУЮ ДРАЧЛИВОСТЬ И САМОУПРАВСТВО, БЬЮЩЕЕ ЧЕРЕЗ КРАЙ.** Если автор когда-либо возьмёт такое устроение, он не будет этой ерундой под названием литература заниматься. Почему? Потому что (цитирую Златоуста): «Сына, который бы не думал о принадлежащем отцу его, а занимался свойственным рабу, мы не назвали бы смиренномудрым, а осудили бы как человека с неблагородными и рабскими чувствами; а того, который бы презирал рабское и дорожил отеческим, мы превозносили бы похвалами» (т.10, с.104). Потому что литература это именно рабство, а сыновнее занятие человека – молитва. **ПРОШУ НАПОСЛЕДОК ПРОЩЕНИЯ ЗА МОЮ ЖЕСТОКОЮ ПРЯМОТУ. МНЕ И ВПРЯМЬ БЫЛО МУЧИТЕЛЬНО БОЛЬНО ЧИТАТЬ ИНЫЕ ВАШИ СТРАНИЦЫ. МОЯ ЖЕСТОКОСТЬ, СЧИТАЙТЕ, РИКОШЕТ ОТ ВАШЕЙ.** Идейная брань это не игра в бирюльки. Это брань за место под Солнцем – Христом Богом нашим. Это спор о месте в вечности.

На этих словах позвольте, наконец, дорогие читатели, объявить привал на пути «В Зосимину Пустынь».

(*) Этими коментами всемирный интернет довёл дело обнародования статей до полной демократической бессмыслицы, потому что читатели интернет-публикаций читают больше комменты, нежели самые статьи.

(**) Греческое слово «схема» («схима» в другом произношении) имеет много переводных значений, одно из них - «образ». Не мы выбираем образы, но образы выбирают нас (ср.Ин.15:16) – осмелимся переложить мы слова Евангелия с той только целью, чтобы дать читателю возможность по-новому взглянуть на вечные Евангельские истины.